

Погребенный великан

Автор:

[Кадзуо Исигуро](#)

Погребенный великан

Кадзуо Исигуро

Интеллектуальный бестселлер

Каждое произведение Кадзуо Исигуро – событие в мировой литературе. Его романы переведены более чем на сорок языков. Тиражи книг «Остаток дня» и «Не отпускай меня» составили свыше миллиона экземпляров.

«Погребенный великан» – роман необычный, завораживающий.

Автор переносит нас в средневековую Англию, когда бритты воевали с саксами, а землю окутывала хмарь, заставляющая забывать только что прожитый час так же быстро, как утро, прожитое много лет назад.

Пожилая пара, Аксель и Беатриса, покидают свою деревушку и отправляются в полное опасностей путешествие – они хотят найти сына, которого не видели уже много лет.

Исигуро рассказывает историю о памяти и забвении, о мести и войне, о любви и прощении.

Но главное – о людях, о том, как все мы по большому счету одиноки.

Кадзуо Исигуро

Погребенный великан

Kazuo Ishiguro

The Buried Giant

Copyright © 2015 Kazuo Ishiguro Copyright © Photo by Jeff C.

Перевод с английского Марии Нуянзиной

Часть первая

Глава 1

Извилистую тропинку или сонный луг, которыми Англия позже прославилась, вам пришлось бы еще поискать. Вместо них на многие мили вокруг расстилались земли пустынные и невозделанные, изредка перемежавшиеся неторными тропами по скалистым горам или мрачным заболоченным пустошам. Дороги, оставшиеся от римлян, к тому времени в основном либо превратились в сплошные колдобины, либо заросли травой, часто уводя в глухомань и там обрываясь. Над речками и болотами нависал ледяной туман – прекрасное убежище для огров[1 - Великаны-людоеды в кельтской мифологии. В противоположность троллям, которые селятся в горах, живут в лесах и на болотах. (Здесь и далее прим. перев.)], которые в те времена чувствовали себя в этих краях как дома. Люди, жившие по соседству, – остается только догадываться, какое отчаяние заставило их поселиться в таких мрачных местах, – наверняка боялись этих тварей, чье тяжелое дыхание раздавалось из хмари задолго до появления их безобразных туловищ. Но чудовища эти потрясений не вызывали. Наткнуться на огра считалось делом вполне обыденным, так как в те времена было множество других поводов для волнений: как извлечь пропитание из каменистой почвы, как не остаться без дров для

очага, как остановить хворь, которая может всего за один день прикончить дюжину свиней или раскрасить детские щечки зеленоватой сыпью.

В общем, огры больших неприятностей не доставляли, если, конечно, их не беспокоить. Приходилось мириться с тем, что время от времени, возможно, после какой-нибудь таинственной распри с сородичами, разъяренное чудовище вваливалось в деревню и, сколько ни кричи и ни потрясай оружием, бушевало, увеча любого, кто не успел убратся с его пути. Иногда же огр утаскивал в хмарь ребенка. В те времена приходилось философски относиться к подобным бесчинствам.

В одном подобном месте – на краю огромного болота в тени островерхих гор – жили-были пожилые супруги Аксель и Беатриса. Возможно, их звали не совсем так или имена не были полными, но усложнять ни к чему, и именно так мы и будем их называть. Я мог бы сказать, что супруги эти вели жизнь уединенную, но в те дни мало кому удавалось жить «уединенно» в том или ином привычном для нас смысле. В поисках тепла и защиты крестьяне жили в укрытиях, многие из которых были вырыты в склоне холма, соединяясь друг с другом глубокими подземными переходами и крытыми коридорами. Наши пожилые супруги жили в одной из таких разросшихся нор – назвать это домом было бы слишком большим преувеличением – вместе с примерно шестью десятками других обитателей. Если выйти из норы и минут двадцать идти вокруг холма, можно было дойти до следующего поселения, и, на ваш взгляд, оно бы ничем не отличалось от предыдущего. Но сами жители указали бы на множество отличий, служивших поводом для их гордости или стыда. Мне совсем не хочется создавать у вас впечатление, что в те времена в Британии ничего другого не было, что в эпоху, когда в мире пышным цветом цвели великолепные цивилизации, мы только-только выбрались из железного века. Будь у вас возможность перемещаться по всей стране в мгновение ока, вы, разумеется, обнаружили бы замки с музыкой, изысканными яствами, спортивными состязаниями или монастыри, чьи обитатели с головой ушли в науку. Но ничего не поделаешь. Даже на крепкой лошади в хорошую погоду можно было скакать дни напролет и не увидеть на зеленых просторах ни замка, ни монастыря. В большинстве случаев вы обнаружили бы поселения, подобные вышеописанному, и, если у вас не было лишней еды или одежды, чтобы принести в дар, или вы не были вооружены до зубов, вам вряд ли можно было рассчитывать на теплый прием. Жаль рисовать нашу страну настолько неприглядной, но дела обстояли именно так.

Но вернемся к Акселю и Беатрисе. Как я уже сказал, пожилые супруги жили на самом краю норы, где их кров был мало защищен от непогоды и куда почти не доходило тепло от костра в большом зале, где все обитатели собирались по вечерам. Возможно, было время, когда они жили ближе к огню, – время, когда они жили со своими детьми. Собственно, именно об этом подумалось Акселю, когда в смутный предрассветный час он лежал в постели с крепко спящей подле него женой, и сердце его сжималось от необъяснимого чувства потери, мешая вернуться ко сну.

Возможно, в том и была причина, почему именно в то утро Аксель окончательно встал с постели и тихо выскользнул наружу, чтобы сесть на стоявшую у входа в нору старую покосившуюся скамейку в ожидании первых лучей солнца. Уже пришла весна, но воздух по-прежнему обжигал морозом, не помог даже плащ Беатрисы, который Аксель накинул по пути. Однако он был настолько погружен в свои мысли, что, когда понял, как сильно замерз, звезды уже успели погаснуть, на горизонте занималась заря, а из сумрака слышались первые звуки птичьих трелей.

Аксель медленно встал, сожалея, что так долго просидел на холоде. На здоровье он не жаловался, но не так давно он переболел лихорадкой, оправиться от которой получилось далеко не сразу, и ему не хотелось снова захворать. Ноги у Акселя онемели от сырости, но, уже повернувшись, чтобы вернуться в жилище, он понял, что вполне доволен, потому что этим утром ему удалось вспомнить несколько вещей, которые уже давно от него ускользали. Более того, ему казалось, что он вот-вот примет какое-то важное решение – из тех, что уже очень долго откладывались, – и внутри у него разгорелось возбуждение, которым ему захотелось поделиться с женой.

В коридорах внутри норы было по-прежнему совершенно темно, и небольшое расстояние до двери в свою комнату Акселю пришлось преодолеть на ощупь. Дверями в норе часто служили арки, отделявшие комнаты от коридора. Открытость такого обустройства вовсе не казалась насельникам покушением на их личное пространство, ведь благодаря этому в комнаты попадало тепло, расходившееся по коридорам от большого костра или костров поменьше, какие разрешалось жечь в норе. Однако, поскольку комната Акселя и Беатрисы находилась слишком далеко от какого бы то ни было костра, там было нечто, что мы могли бы признать за настоящую дверь, – большая деревянная рама с привязанными к ней крест-накрест ветками, вьющимися лозами и чертополохом, которую всякий раз, входя или выходя, приходилось откидывать в сторону, но

которая не пускала внутрь холодные сквозняки. Аксель был бы счастлив обойтись без этой двери, но со временем она стала для Беатрисы предметом особой гордости. По возвращении он часто заставлял жену за выдергиванием из этого сооружения пожухших побегов и заменой их на свежие, собранные накануне.

Этим утром Аксель приподнял загородку ровно настолько, чтобы протиснуться внутрь, стараясь шуметь как можно меньше. Тем временем сквозь щели во внешней стене в комнату потек свет ранней зари. Ему удалось разглядеть очертания собственной руки, а на земляной кровати – силуэт Беатрисы, по-прежнему крепко спавшей под толстыми одеялами.

Акселя мучило искушение разбудить жену. Он был почти уверен, что, если бы в этот миг она бодрствовала и говорила с ним, какие бы препятствия ни оставались между ним и его решением, они бы окончательно рухнули. Однако до всеобщего пробуждения и начала рабочего дня оставалось еще немного времени, поэтому он уселся на низкий табурет в углу комнаты, продолжая кутаться в женин плащ.

Акселю стало любопытно, насколько густой окажется утренняя хмарь и не увидит ли он с рассветом, что она сочится сквозь трещины прямо к ним в комнату. Но потом его мысли поплыли прочь, обратно к тому, что их занимало. Всегда ли они жили вот так, вдвоем, на отшибе от остальных? Или когда-то все было по-другому? Откуда-то извне к Акселю вернулись обрывки воспоминаний: краткий миг, когда он шел по длинному главному коридору норы, обняв за плечи одного из своих детей, при этом он слегка прихрамывал, но не из-за возраста, как сейчас, а просто потому, что старался в полумраке не удариться головой о балки. Наверное, ребенок только что говорил с Акселем, рассказал ему что-то забавное, и они оба смеялись. Но теперь, совсем как тогда, когда он сидел снаружи, у него в голове все кружилось, и чем больше он пытался сосредоточиться, тем бледнее становились обрывки воспоминаний. Возможно, это были всего лишь видения старого дурака. Может, дело было в том, что Господь так и не дал им детей.

Вы спросите, почему Аксель не обратился к соседям по деревне, чтобы те помогли ему вспомнить все, но это было не так просто, как могло показаться на первый взгляд. Потому что у них в общине прошлое обсуждали редко. Я не хочу сказать, что на него было наложено табу. Просто оно каким-то образом растворилось в хмари, такой же густой, как та, что висела над болотами.

Жителям деревни просто не приходило в голову думать о прошлом, даже самом недавнем.

Вот, например, что долго не давало Акселю покоя: он был уверен, что не так давно среди них жила женщина с длинными рыжими волосами и что в деревне ее очень почитали. Стоило кому-нибудь пораниться или заболеть, тут же посылали за рыжеволосой, которая была сведуща во врачевании. Но теперь женщины пропал и след, и никто, похоже, не стремился узнать, что с нею случилось, и даже не выказывал сожаления о ее отсутствии. Когда однажды утром Аксель заговорил о ней с тремя соседями, вместе с которыми разбивал в поле мерзлые комья земли, их ответ убедил его, что они искренне не понимают, кого он имеет в виду. Один даже прервал работу, силясь вспомнить, но в конце концов покачал головой:

– Наверное, это было очень давно.

– Я тоже не помню такой женщины, – сказала Беатриса, когда он однажды вечером заговорил с ней об этом. – Может быть, Аксель, ты намечтал ее себе для собственной нужды, хотя у тебя под боком жена, чья спина будет поправее твоей.

Разговор этот случился прошлой осенью, и супруги лежали рядом на кровати в кромешной тьме, слушая, как по их кровле барабанит дождь.

– Верно, ты с годами почти не постарела, принцесса. Но та женщина – никакая не выдумка, и ты сама ее вспомнишь, если чуть призадуматься. Не далее как месяц тому назад она стояла у нашей двери, добрая душа, и спрашивала, не принести ли нам чего. Ты точно это помнишь.

– Но с чего это ей вздумалось что-нибудь нам принести? Она что, нам родня?

– Не думаю, принцесса. Она просто была добра. Ты не можешь не помнить. Она часто подходила к нашей двери спросить, не замерзли ли мы и не голодны ли.

– А почему она именно к нам приставала со своей добротой?

– Я сам тогда об этом подумал, принцесса. Помнится, я говорил себе: вот женщина, чья забота – лечить больных, а ведь наше с тобой здоровье ничуть не хуже, чем у любого из деревни. Может, поговаривают о приближении чумы, и она пришла нас осмотреть? Но выяснилось, что никакой чумы нет и в помине и что она просто была к нам добра. Сейчас, когда мы заговорили о ней, мне вспоминается еще больше. Она стояла вон там и говорила, чтобы мы не обращали внимания на то, как дети нас обзывают. Вот и все. И с тех пор мы больше ее не видели.

– Эта рыжеволосая женщина не просто плод твоих снов, Аксель, она к тому же дура, потому что ее волнуют дети да детские забавы.

– Именно так я тогда и подумал, принцесса. Какой вред могут причинить нам дети, которые всего лишь укрылись от бушующей за стеной непогоды. Я сказал ей, что мы даже не обратили на них внимания, но она все повторяла то же самое. И еще я помню, как она жалела, что нам приходится коротать ночи без свечи.

– Если это создание пожалело нас за то, что у нас нет свечи, – ответила Беатриса, – по крайней мере, она хоть в чем-то оказалась права. Какое оскорбление лишать нас свечи в такие темные ночи, когда руки у нас ничуть не слабее, чем у любого другого. И это при том, что некоторые из тех, у кого свечи есть, валяются каждую ночь пьяные от сидра, или у них есть дети, которые частенько устраивают кавардак. Но свечу-то забрали у нас, и теперь я едва вижу твой силуэт, Аксель, хоть ты и сидишь прямо рядом со мной.

– Никто не хотел оскорбить нас, принцесса. Так уж все устроено с начала начал, вот и все.

– По крайней мере, не только женщине из твоего сна кажется странным, что у нас забрали свечу. Вчера или позавчера, не помню точно, я ходила на реку и прошла мимо прачек, которые говорили – можешь поверить, я слышала их разговор, когда они думали, что я уже далеко, – какой это позор, что такие достойные супруги, как мы, вынуждены каждую ночь сидеть в темноте. Так что не только приснившаяся тебе женщина так думает.

– Говорю тебе, принцесса, она мне не приснилась. Еще месяц назад все здесь были с ней знакомы и готовы были перемолвиться с ней добрым словом. Что же

это такое, отчего все, даже ты, забыли, что она здесь жила?

Весенним утром, вспоминая тот разговор, Аксель был почти готов признать, что ошибался насчет рыжеволосой. В конце концов, он был всего лишь стариком, у которого временами ум за разум заходит. Однако тот случай с рыжеволосой был всего лишь одним из длинной вереницы похожих загадочных происшествий. К своему отчаянию, он не мог сразу вспомнить еще примеры, но их, несомненно, было множество. Вот взять хоть историю с Мартой.

В деревне была девочка лет девяти-десяти, которая славилась бесстрашным нравом. Сколько бы сказок ни рассказывали ей о том, что бывает с заблудившимися детьми, ее тяга к приключениям не ослабевала. Поэтому однажды вечером – до заката оставалось меньше часа, уже напознала хмарь, и на склонах гор слышался волчий вой, – когда кто-то пустил слух, что Марта пропала, все в тревоге побросали свои дела. Ее долго окликали по всей норе, а по коридорам раздавались шаги селян, обыскивавших каждую спальную комнату, кладовые, пустоты за стропильными балками, каждый укромный уголок, куда девочка могла бы забраться из шалости.

Потом, в самый разгар паники, в большой зал вошли два пастуха, вернувшиеся со смены в горах, и сели греться у очага. Пока они грелись, один из них объявил, что накануне они видели, как у них над головой пролетел крапивник, сначала один раз, потом второй, потом третий. Никакой ошибки, это действительно был крапивник. Слух быстро облетел нору, и вскоре вокруг очага собралась целая толпа, чтобы послушать пастухов. Даже Аксель поспешил туда, потому что появление у них в краях крапивника было большой новостью. Помимо прочего крапивникам приписывали способность отпугивать волков, и, если верить молве, стоило им где-нибудь появиться, как волки в тех краях исчезали напрочь.

Поначалу пастухов забрасывали вопросами и заставляли повторять рассказ снова и снова. Но постепенно слушателей стали одолевать сомнения. Кто-то заметил, что похожие истории рассказывали уже много раз, но они постоянно оказывались выдумками. Другой заявил, что не далее как весной прошлого года те же пастухи рассказывали то же самое, но птиц никто так и не видел. Пастухи сердито отрицали, что когда-нибудь раньше приносили подобные вести, и вскоре толпа разделилась на тех, кто занял сторону пастухов, и тех, кто якобы помнил, как в прошлом году произошел похожий случай.

В разгар ссоры у Акселя возникло знакомое ноющее чувство, будто что-то идет не так, и, выбравшись из крика и давки, он вышел наружу посмотреть на темнеющее небо и стелющуюся по земле хмарь. Через какое-то время обрывки в его сознании стали складываться в единое целое, вызывая в памяти пропавшую Марту, опасность и то, как совсем недавно все были заняты поисками девочки. Но эти воспоминания тут же спутывались, совсем как сон спустя пару секунд после пробуждения, и Аксель удержал мысль о маленькой Марте только великим усилием воли, а тем временем голоса у него за спиной все спорили о крапивнике. Потом, не сходя с места, он услышал детский голосок, напевавший песенку, и увидел, как перед ним из хмари вынырнула Марта.

– Ну и странная же ты девочка, дитя мое, – сказал Аксель, когда она вприпрыжку подошла к нему. – Разве ты не боишься темноты? Или волков с ограми?

– О, сэр, я их боюсь, – ответила она с улыбкой, – но я умею от них прятаться. Надеюсь, родители про меня не спрашивали. На прошлой неделе я нашла отличный тайник.

– Не спрашивали? Разумеется, спрашивали. Разве вся деревня тебя не ищет? Послушай, какой внутри переполох. Это все из-за тебя, дитя мое.

Марта рассмеялась:

– О, сэр, перестаньте! Я знаю, что они меня не хватились. И вовсе не обо мне там кричат.

Стоило ей это сказать, как Аксель понял, что девочка права: голоса внутри спорили вовсе не о ней, а о чем-то, не имевшем к ней никакого отношения. Он нагнулся к дверному проему и прислушался – и, уловив в гуле возбужденных голосов отдельную фразу, вспомнил о пастухах с крапивником. Пока он раздумывал, следует ли объяснить Марте, в чем, собственно, дело, она вдруг прошмыгнула мимо него и вошла внутрь.

Аксель последовал за ней, предвкушая облегчение и радость, которые вызовет ее появление. И, говоря по правде, ему пришло в голову, что если он вернется вместе с ней, то ее благополучное возвращение будет признано немного и его заслугой. Но, когда они вошли в большой зал, собравшиеся были по-прежнему поглощены спором о пастухах, и почти никто даже не взглянул в их сторону.

Мать Марты вышла из толпы ровно на столько времени, сколько потребовалось, чтобы сделать внушение чаду: «Вот ты где! Чтобы не смела больше так пропадать! Сколько повторять нужно?» – и тут же вернулась обратно к кипевшему вокруг очага спору. Марта одарила Акселя широкой усмешкой: «Что я говорила?» – и исчезла в сумраке искать товарищей по играм.

В комнате посветлело. Спальня супругов находилась у внешней стены норы, и в ней было маленькое окошко, хотя и расположенное слишком высоко, чтобы в него можно было выглянуть, не вставая на табурет. Сейчас оно было завешано тряпкой, но ранний солнечный луч пробился сквозь уголок, бросив на спящую Беатрису полоску света. Луч зацепил нечто вроде насекомого, парившего в воздухе прямо над головой пожилой женщины. Чуть погодя Аксель понял, что это паучок, повисший на невидимой отвесной нити и прямо под его взглядом размеренно скользящий вниз. Бесшумно поднявшись, Аксель пересек комнатушку и провел рукой в пустоте над спящей женой, поймав паука в ладонь. И постоял немного, глядя на Беатрису. На ее лице застыло умиротворение, которое ему все реже доводилось видеть, когда она бодрствовала, и, созерцая его, он внезапно задохнулся от счастья, что немало его удивило. И тогда Аксель понял, что решение принято, и ему снова захотелось ее разбудить, просто для того, чтобы поделиться новостью. Но поступить так было бы эгоистично, и, кроме того, как он мог быть настолько уверен в том, как она к этому отнесется? Наконец он тихо вернулся к табуретке и, усаживаясь обратно, вспомнил про паучка – и осторожно раскрыл ладонь.

Дождаясь рассвета на скамейке у входа, Аксель пытался вспомнить, как им с Беатрисой впервые пришла в голову мысль о путешествии. Ему даже показалось, что он вспомнил разговор, который они вели как-то ночью в этой самой комнате, но теперь, наблюдая за паучком, прыгнувшим с ребра его ладони прямо на земляной пол, Аксель отчетливо понял, что впервые они заговорили о нем в тот день, когда в деревню забрела странница в черных лохмотьях.

Дело было серым утром – неужто так давно, в ноябре прошлого года? – и Аксель мерил широкими шагами бегущую вдоль берега реки тропу под пологом из нависших ив. Он спешил с поля обратно в нору – возможно, чтобы захватить какой-то инструмент или за новым поручением мастера. Как бы то ни было, его остановил многоголосый крик из-за кустов справа от тропы. Сразу же подумав об ограх, Аксель быстро огляделся в поисках камня или палки. Но тут же понял, что хоть голоса – все до единого женские – и были злыми и возбужденными, но в них не было обычного при нападении огров ужаса. Тем не менее Аксель

решительно двинулся сквозь заросли можжевельника и выбрался на прогалину, где увидел сбившихся в кучу пятерых женщин – не первой молодости, но еще не вышедших из детородного возраста. Ему были видны только их спины и слышны крики, обращенные куда-то вдаль. Он уже почти поравнялся с ними, прежде чем одна из женщин его заметила, вздрогнув, но остальные обернулись на него чуть ли не с пренебрежением.

– Ну-ну, – сказала одна из них. – Наверное, это судьба или еще чего. Но раз пришел ее муж, есть надежда, что он приведет ее в чувство.

Женщина, которая увидела его первой, сказала:

– Мы говорили вашей жене не ходить туда, но она не послушалась. Она вбила себе в голову отнести страннице еды, хотя, вернее всего, это дьявол или того хуже – ряженный эльф.

– Моя жена в опасности? Дамы, прошу вас, объяснитесь.

– Здесь все утро бродит странная женщина, – вступила другая. – Волосы ниже плеч, плащ из черных лохмотьев. Она заявила, что она из саксов, но мы никогда не видели, чтобы саксы так одевались. Она пыталась подобраться к нам на берегу, когда мы занимались стиркой, но мы вовремя увидели ее и отогнали подальше. Но она все время возвращалась обратно и вела себя так, словно ее изводит какое-то горе, и иногда просила у нас еды. Мы уверены, что все это время она направляла свои чары прямо на вашу жену, сэр, потому что нам дважды за утро пришлось удерживать Беатрису за руки, так ей хотелось подойти к дьяволу. А теперь она вырвалась и пошла к старому терновнику, где тот ее дожидается. Мы удерживали ее, как могли, сэр, но, видно, в нее уже проникла дьявольская сила, потому что неестественно для женщины с такой тонкой костью и пожилой, как ваша жена, быть такой сильной.

– К старому терновнику...

– Она только что туда отправилась, сэр. Но это точно дьявол, поэтому, если пойдете за ней, берегитесь, чтобы не споткнуться или не порезаться об отравленный чертополох, потому что рана может никогда не зажить.

Аксель приложил все силы, чтобы скрыть от женщин свое раздражение, и вежливо ответил:

– Благодарю вас, дамы. Пойду посмотрю, что на уме у моей жены. Простите.

Для жителей нашей деревни выражение «старый терновник» обозначало как само терновое дерево, будто выросшее прямо из камня на краю выступа скалы в нескольких минутах ходьбы от норы, так и живописное место, украшением которого дерево являлось. В солнечный день, если не было сильного ветра, там можно было приятно провести время. Перед глазами открывался отличный вид на окрестные земли вплоть до самой реки, на ее изгиб и расстилавшиеся за ним болота. По воскресеньям вокруг кряжистых корней часто играли дети, иногда отважно прыгая с края уступа, обрыв под которым, по правде сказать, был совсем невысоким, и ребенок не мог пострадать, а просто скатился бы, как бочонок, по травянистому склону. Но утром на неделе, когда и взрослые, и дети были заняты работой, это место должно было пустовать, и Аксель, поднимаясь сквозь хмарь вверх по склону, вовсе не удивился, увидев, что женщины там совсем одни, выделяясь на фоне белесого неба черными силуэтами.

Действительно, незнакомка, сидевшая, прислонившись спиной к скале, была одета престранным образом. По крайней мере, с расстояния ее плащ казался сделанным из множества сшитых вместе лоскутков и полоскался на ветру, придавая своей владелице сходство с огромной, собирающейся взлететь птицей. Рядом с ней Беатриса – по-прежнему стоявшая, хотя и наклонив голову в сторону собеседницы, – казалась маленькой и беззащитной. Обе были поглощены разговором, но, увидев подходившего снизу Акселя, замолчали и уставились на него. Потом Беатриса подошла к краю утеса и крикнула:

– Стой там, муж, ни шагу дальше! Я сама к тебе подойду. Только не лезь сюда и не нарушай покой этой бедной женщины, которая только что присела дать отдых ногам и перекусить вчерашним хлебом.

Аксель стал ждать, как ему было сказано, и вскоре увидел, как жена спускается по длинному проселку к месту, где он остановился. Она подошла к нему вплотную и, без сомнения, заботясь о том, чтобы ветер не донес их слова до странницы, тихо сказала:

– Муж мой, это те глупые женщины послали тебя за мной? Когда я была в их возрасте, страх и нелепые поверья были уделом старух, которые считали каждый камень проклятым, а каждую бродячую кошку – злым духом. Но вот я

сама состарилась, и оказывается, что это молодые забивают себе головы глупостями, словно никогда не слышали обет Господа всегда идти подле нас. Посмотри на эту бедную странницу, убедись сам, какая она усталая и одинокая, ведь она уже четыре дня бродит по лесам и полям, от деревни к деревне, и отовсюду ее гонят. И ведь идет она по христианской земле, а ее принимают за дьявола или за прокаженную, хотя на ее коже нет и следа проказы. Вот, муж мой, надеюсь, ты пришел не для того, чтобы запретить мне дать бедной женщине утешение и ту жалкую снедь, которую я ей принесла.

– Я бы не стал говорить ничего подобного, принцесса, потому что сам вижу, что ты говоришь правду. Еще по пути сюда я думал, как это постыдно, что мы разучились принимать странников с радушием.

– Тогда возвращайся к своим делам, муж мой, не то тебя опять начнут попрекать, что ты медленно работаешь, и не успеешь оглянуться, как на нас снова натравят детвору, которая будет нас дразнить.

– Никто никогда не попрекал меня за медленную работу, принцесса. С чего ты это взяла? Ни разу не слышал подобных жалоб, и с работой я справляюсь ничуть не хуже любого мужчины, будь он хоть на двадцать лет моложе меня.

– Я просто дразню тебя, муж мой. Твоя правда, никто не жалуется на твою работу.

– Если же дети нас обзывают, то не потому, что я медленно работаю, а потому, что их родители – слишком глупы, а еще вернее, пьяны, чтобы научить их хорошим манерам или уважению.

– Успокойся, муж мой. Сказала же, я просто тебя поддразнила и больше не буду. Незнакомка рассказывает мне кое-что прелюбопытное, может, когда-нибудь тебе тоже будет интересно об этом узнать. Но ей нужно закончить рассказ, поэтому прошу еще раз, поспеши по своим делам и оставь меня с ней, чтобы я ее выслушала и утешила, чем могу.

– Прости, принцесса, если я был с тобою груб.

Но Беатриса уже повернулась и поднималась обратно по тропинке, ведущей к терновому дереву и фигуре в развевающемся плаще.

Немного погодя, когда Аксель, выполнив поручение, возвращался в поле, он, рискуя терпением товарищей, отклонился с пути, чтобы снова пройти мимо старого терновника. Дело в том, что полностью разделяя презрение жены к подозрительности деревенских женщин, Аксель не мог избавиться от мысли, что странница действительно представляла угрозу, и ему было не по себе с тех пор, как он оставил Беатрису в ее обществе. Поэтому, увидев на холме перед скалой одинокую фигуру жены, глядящую в небо, он вздохнул с облегчением. Она казалась погруженной в раздумья и не замечала его, пока он ее не окликнул. Пока Аксель смотрел, как она спускается по тропе – медленнее, чем в прошлый раз, – ему уже не впервые пришло в голову, что с недавних пор в ее походке что-то изменилось. Она не то чтобы хромала, но словно пыталась скрыть какую-то тайную боль. Когда она приблизилась, Аксель спросил, что случилось с ее странной спутницей, но Беатриса ответила лишь:

– Пошла своей дорогой.

– Она наверняка благодарна тебе за доброту, принцесса. Долго ты с ней говорила?

– Да, и у нее было что рассказать.

– Вижу, то, что она сказала, беспокоит тебя, принцесса. Возможно, те женщины были правы, и от нее стоило держаться подальше.

– Она вовсе не расстроила меня, Аксель. Просто заставила задуматься.

– Странное у тебя настроение. Ты уверена, что она не наложила на тебя никакого заклятия, прежде чем исчезнуть?

– Дойди до терновника, муж мой, и увидишь ее на тропе, она еще не успела уйти далеко. Надеется, что по ту сторону горы будут щедрее на подаяние.

– Ну, раз ничего плохого не приключилось, принцесса, я тебя оставлю. Господь порадуется твоей бесконечной доброте.

Но на этот раз жене явно не хотелось его отпускать. Беатриса схватила Акселя за руку, как будто для того, чтобы восстановить равновесие, а потом положила

голову ему на грудь. Его рука словно непроизвольно поднялась погладить ее спутанные от ветра волосы, и, опустив взгляд на жену, Аксель с удивлением обнаружил, что ее глаза по-прежнему широко открыты.

- Странное у тебя настроение, странное. Чего та незнакомка тебе наговорила?

Беатриса задержала голову на его груди еще на миг. Потом выпрямилась и отпустила его.

- Аксель, я тут подумала, и мне кажется, что в том, что ты всегда говоришь, что-то есть. Чудно, что все забывают друг друга и то, с чем имели дело только вчера или днем раньше. Нас всех словно поразила неведомая болезнь.

- Именно так, принцесса. Взять хотя бы ту рыжеволосую женщину...

- Оставь ты в покое рыжеволосую, Аксель. Мы не помним много чего другого.

Все это Беатриса сказала, глядя в окутанную хмарью даль, но теперь она посмотрела в упор на мужа, и взгляд ее был исполнен печали и острой тоски. Тогда-то - он был в этом уверен, - она и сказала:

- Знаю, Аксель, ты всегда этому противился. Но пришло время снова подумать об этом. Мы должны отправиться в путь, и откладывать больше нельзя.

- В путь, принцесса? Куда же?

- В деревню нашего сына. Это недалеко, муж мой, мы оба это знаем. Даже нашим медленным шагом идти туда не больше нескольких дней, за Великую Равнину и чуть на восток. И весна уже скоро.

- Конечно, принцесса, мы можем отправиться в путь. Это рассказ странницы натолкнул тебя на эту затею?

- Аксель, эта затея пришла мне в голову давным-давно, а рассказ той бедняжки убедил меня, что медлить больше нельзя. Сын ждет нас у себя в деревне. Сколько еще нам заставлять его ждать?

– Принцесса, весной мы обязательно подумаем о таком путешествии. Но почему ты говоришь, что я всегда ему противился?

– Сейчас мне не припомнить всего, что было между нами по этому поводу, Аксель. Только то, что ты всегда этому противился, а мне очень этого хотелось.

– Что ж, принцесса, давай вернемся к этому разговору, когда у нас не будет срочной работы и соседей, готовых назвать нас лентяями. Я пойду. Скоро мы все обсудим.

Но в последующие дни, даже если мысль о путешествии и приходила им в головы, супруги ни разу по-настоящему о нем не заговорили. Всякий раз, когда разговор поворачивался в эту сторону, им становилось до странного неловко, и вскоре между ними, как это бывает между мужем и женой, много лет прожившими вместе, установилось молчаливое согласие по возможности избегать этой темы. Я говорю «по возможности», потому что время от времени у одного из них возникала нужда – импульсивное желание, если угодно, – которой они были вынуждены уступить. Но любые их беседы в подобных обстоятельствах быстро заканчивались уклончивостью или плохим настроением. А когда Аксель напрямик спрашивал жену о том, что сказала ей странница у старого терновника, лицо Беатрисы мрачнело, и казалось, что она вот-вот расплечется. В итоге Аксель стал избегать любого упоминания о незнакомке.

Спустя какое-то время Аксель уже не мог вспомнить, с чего вообще начался разговор о путешествии и в чем было его назначение. Но этим утром, пока он сидел на предрассветном холоде, его память пусть и немного, но прояснилась, и многое вернулось к нему: рыжеволосая женщина, Марта, незнакомка в черных лохмотьях и другие воспоминания, которые мы оставим за пределами нашего повествования. И ему живо припомнилось, что произошло всего несколько недель назад – в то воскресенье, когда у Беатрисы отобрали свечу.

Воскресенье было для жителей деревни днем отдыха, по крайней мере, в том смысле, что им не приходилось работать в поле. Но скотину все равно нужно было кормить, да и других дел хватало, поэтому священник смирился с невозможностью наложить запрет на все, что можно было бы счесть трудом. Так что, когда в то самое воскресенье Аксель выбрался на весеннее солнце, проведя утро за починкой сапог, его глазам предстали соседи, рассеявшиеся перед норой – кто на кусочках дерна, кто на скамеечках или бревнах – и коротавшие время за беседой, смехом и работой. Повсюду играли дети, а вокруг двух мужчин,

мастеривших на траве колесо для телеги, собралась кучка любопытных. Это было первое воскресенье в этом году, когда погода позволила заняться подобным делом, и атмосфера была почти праздничная. Тем не менее, стоя у входа в нору и глядя мимо своих соплеменников туда, где земля уходила вниз к болотам, Аксель увидел поднимающуюся хмарь и пришел к заключению, что после полудня их снова накроет серая морось.

Аксель простоял так достаточно долго, пока его внимание не привлекла суматоха у ограждения перед пастбищем. Сначала он не нашел в ней ничего интересного, но тут ветер донес до его ушей нечто, заставившее его распрявиться. Потому что если зрение у Акселя с годами и ослабло, что немало его раздражало, то слух оставался ему верен, и в беспорядочных криках, доносившихся из толпы у забора, он разобрал голос Беатрисы, возвещавший о том, что она попала в беду.

Остальные тоже побросали дела, чтобы взглянуть, что происходит. Но Аксель уже спешил сквозь толпу, чудом огибая бродивших всюду детей или брошенные на траву предметы. Однако прежде, чем он успел добраться до маленького людского клубка, тот вдруг распался и из его сердцевины выпала Беатриса, обеими руками прижимая что-то к груди. По лицам окружающих было видно, что происходящее их в основном забавляет, но тут из-за плеча жены выскочила женщина – вдова кузнеца, умершего год назад от лихорадки, – с лицом, перекошенным от ярости. Беатриса отбивалась от своей мучительницы, сохраняя на лице суровую, лишенную всякого выражения маску, но, увидев спешившего к ней Акселя, расчувствовалась.

Теперь, когда Аксель об этом вспоминал, ему казалось, что лицо жены тогда прежде всего выражало огромное облегчение. Не то чтобы Беатриса верила, что с его появлением все закончится благополучно, но его присутствие означало, что расстановка сил изменилась. Она посмотрела на него не просто с облегчением, а почти с мольбой и протянула ему предмет, который так ревностно защищала.

– Она наша, Аксель! Нам больше не придется сидеть в темноте. Бери ее побыстрее, муж мой, она наша!

Беатриса протягивала ему короткую, бесформенную свечу. Вдова кузнеца снова попыталась ее выхватить, но Беатриса оттолкнула тянущуюся к ней руку.

– Возьми ее, муж мой! Вот эта девочка, малышка Нора, принесла ее мне сегодня утром, она сама ее сделала, поняв, что мы устали коротать ночи во тьме.

На это раздался новый взрыв криков и даже хохота. Но Беатриса продолжала смотреть на Аксея, и в ее взгляде сквозили доверие и настойчивая мольба, и именно ее лицо, каким оно было в тот миг, первым возникло у него перед глазами в это утро, когда он сидел, ожидая рассвета, на скамье у входа в нору. Как он мог это позабыть, ведь все случилось не больше трех недель назад? Как получилось, что до сегодняшнего дня он ни разу об этом не вспомнил?

Аксель протянул руку, но ему не удалось схватить свечу – толпа не давала ему до нее дотянуться, – и тогда он сказал, громко и уверенно:

– Не волнуйся, принцесса. Ты только не волнуйся.

Аксель понимал, как мало в этих словах было смысла, поэтому очень удивился, когда толпа затихла, и даже вдова кузнеца отступила назад. Только тогда он понял, что силу возымели не его слова, а появление у него за спиной священника.

– Что это за выходки в Божий день? – Священник широкими шагами прошел мимо Аксея и свирепо глянул на разом примолкшую толпу. – Ну?

– Это все госпожа Беатриса, сэр, – сказала вдова кузнеца. – Она раздобыла свечу.

Лицо Беатрисы снова превратилось в напряженную маску, но она выдержала взгляд священника.

– Вижу, что это правда, госпожа Беатриса. Но ведь вы помните, что совет постановил, что вам с мужем запрещено жечь свечи у себя в комнате.

– Ни он, ни я в жизни еще ни одной свечи не опрокинули, сэр. Мы отказываемся ночь за ночью сидеть в темноте.

– Таково решение, и вы будете ему подчиняться, пока совет его не отменит.

Аксель увидел, как ее глаза вспыхнули гневом.

– Это просто бессердечие. Вот что это такое, – она произнесла это тихо, словно выдохнув, но в упор глядя на священника.

– Отберите у нее свечу, – потребовал тот. – Делайте, как я сказал. Отберите.

К Беатрисе потянулось несколько рук, но Акселю показалось, что она не совсем поняла, что сказал священник. Потому что продолжала стоять в центре давки с непонимающим взглядом, все так же вцепившись в свечу, словно повинувшись позабытому инстинкту. Потом Беатрису охватила паника, и она снова было протянула свечу Акселю, но пошатнулась под напором толпы. Не упав из-за плотно окруживших ее односельчан, Беатриса пришла в себя и снова протянула свечу мужу. Аксель попытался схватить ее, но свеча исчезла в чужой руке, и тут же прогремел голос священника:

– Довольно! Оставьте госпожу Беатрису с миром, и чтобы никто не смел сказать ей дурного слова. Она старая женщина и не понимает всего, что творит. Довольно, я сказал! Не подобает так вести себя в Божий день.

Наконец, дотянувшись до Беатрисы, Аксель заключил ее в объятия, и толпа постепенно рассеялась. Когда он вспоминал тот миг, ему казалось, что они простояли так очень долго, обнимая друг друга, и она положила голову ему на грудь, так же, как в день появления странницы, словно просто устала и хочет перевести дух. Он все держал ее, и священник снова велел толпе разойтись. Когда они наконец отстранились друг от друга и осмотрелись, то обнаружили, что стоят в одиночестве рядом с коровьим пастбищем с деревянными воротами, запертыми на перекладину.

– Да разве это важно, принцесса? На что нам сдалась свеча? Мы отлично привыкли обходиться без нее. И разве не хватает нам беседы для развлечения, со свечой или без?

Аксель пристально посмотрел на жену. Беатриса выглядела задумчивой и не особенно расстроенной.

– Мне жаль, Аксель. Свечи больше нет. Мне нужно было держать ее в секрете, чтобы никто, кроме нас, о ней не знал. Но я слишком обрадовалась, когда та

девочка принесла ее мне и сказала, что сама ее для нас сделала. А теперь ее больше нет. Ничего страшного.

- Совсем ничего, принцесса.

- Они держат нас за двух дураков, Аксель.

Беатриса шагнула вперед и снова положила голову на грудь мужу. Вот тогда-то она и сказала приглушенным голосом, так что сначала ему показалось, что он ослышался:

- Сын, Аксель. Помнишь нашего сына? Когда сейчас меня толкнули, я вспомнила сына. Красивого, сильного, справедливого. Зачем нам здесь оставаться? Давай уйдем в деревню сына. Он защитит нас и проследит, чтобы никто не обращался с нами грубо. Ведь столько лет прошло, Аксель, неужто сердце твое не смягчилось? Ты все еще считаешь, что нам нельзя его навестить?

Беатриса сказала это глухо, продолжая прятать лицо на груди мужа, но сказанное разворошило бесчисленные обрывки его памяти, да так сильно, что он чуть не потерял сознание. Ослабив объятия, Аксель шагнул назад в страхе, что пошатнется и жена потеряет из-за него равновесие.

- Что это ты такое говоришь, принцесса? Разве это я противился нашему путешествию в деревню сына?

- Конечно, ты, Аксель. Кто же еще?

- Когда же я возражал против этого путешествия, принцесса?

- Мне всегда казалось, что возражал, муж. Но, ох, Аксель, сейчас, когда ты спросил, я уже и не помню наверняка. И почему это мы стоим здесь в такой-то чудесный день?

Беатриса снова казалась растерянной. Она заглянула Акселю в лицо, потом посмотрела вокруг, заметив прекрасную погоду и соседей, которые снова принялись на них оборачиваться.

– Пойдем посидим в комнате, – сказала она, помедлив. – Побудем немного вдвоем. День прекрасный, спору нет, но что-то я утомилась. Пойдем домой.

– Правильно, принцесса. Присядь и отдохни подальше от этого солнца. Тебе скоро станет лучше.

Обитатели норы начали просыпаться. Уже должны были отправиться на пастбище пастухи, но Аксель так крепко задумался, что ничего не слышал. Беатриса забормотала на другом конце комнаты, словно собираясь запеть, и перевернулась под одеялами. Распознав эти признаки, Аксель молча подошел к кровати, осторожно сел на край и стал ждать.

Беатриса перевернулась на спину, приоткрыла глаза и посмотрела на Акселя.

– Доброе утро, муж мой, – наконец сказала она. – Рада, что духи не забрали тебя, пока я спала.

– Принцесса, нам надо поговорить.

Беатриса продолжала смотреть на него из-под прикрытых век. Потом села, задев лицом луч, который раньше зацепил паука. Ее седая грива, неубранная и спутанная, свисала с плеч жесткими прядями, но Аксель по-прежнему чувствовал, как при виде жены в утреннем свете у него в сердце шевелится счастье.

– Что такого ты хочешь сказать, Аксель, что не может подождать, пока я не протру глаза?

– Мы как-то говорили с тобой, принцесса, о путешествии, которое могли бы совершить. Вот, пришла весна, и, наверное, самое время отправиться в путь.

– Отправиться в путь, Аксель? Когда же?

– Как только соберемся. Мы уйдем всего на несколько дней. В деревне без нас обойдутся. Со священником мы договоримся.

– Мы пойдем навестить сына, Аксель?

- Именно туда. Навестить сына.

Птицы снаружи запели хором. Беатриса перевела задумчивый взгляд на окно, перед которым завис просочившийся сквозь ткань солнечный свет.

- Бывают дни, когда я отчетливо его помню. А на следующий день на память словно падает пелена. Но наш сын - хороший и добрый человек, в этом я уверена.

- Почему же сейчас он не с нами, принцесса?

- Не знаю, Аксель. Может быть, он поссорился со старейшинами и ему пришлось уйти. Я спрашивала у соседей, но никто его не помнит. Но он бы не сделал ничего такого, что покрыло бы его позором, в этом я не сомневаюсь. Разве ты сам ничего не помнишь, Аксель?

- Когда я сидел снаружи, то попытался спокойно припомнить все, что можно, и многое ко мне вернулось. Но я не могу вспомнить сына, ни лица, ни голоса, хотя иногда мне кажется, что я вижу его, каким он был когда-то в детстве, как я веду его за руку по берегу реки или как я тяну к нему руки, когда он как-то раз заплакал, чтобы успокоить. Но как он теперь выглядит, где живет, есть ли у него собственный сын, я вовсе не помню. Я надеялся, что ты вспомнишь больше, принцесса.

- Он наш сын, поэтому я его чувствую, даже если память меня подводит. И я знаю, что он ждет не дождется, когда мы уйдем отсюда и заживем под его крылом.

- Он наша плоть и кровь, так с чего бы ему противиться нашему воссоединению?

- Но я все равно буду скучать по дому. По нашей комнатке и деревне. Не так-то легко сдвинуться с места, где прожил всю жизнь.

- Никто не просит нас поступать необдуманно, принцесса. Пока я сидел, дожидаясь восхода солнца, мне подумалось, что нужно сходить в деревню к сыну и поговорить с ним. Потому что даже родителям нельзя явиться как снег на голову и потребовать, чтобы вся деревня их приняла.

– Твоя правда, муж мой.

– Меня еще кое-что беспокоит, принцесса. Его деревня может быть в нескольких днях пути, как ты и говоришь. Но как мы узнаем, где именно ее искать?

Беатриса молчала, глядя прямо перед собой, и ее плечи чуть приподнимались в такт дыханию.

– Думаю, мы легко отыщем дорогу, Аксель, – наконец сказала она. – Даже если мы пока не знаем, в какой именно деревне он живет, мы с товарками часто бывали в соседних селениях, торгуя медом и оловом. Да я с завязанными глазами дойду до Великой Равнины и до саксонской деревни, где мы часто останавливались на привал. Деревня нашего сына всего лишь чуть дальше, и мы без труда ее отыщем. Аксель, мы правда скоро туда пойдём?

– Да, принцесса. Начнем собираться сегодня же.

Глава 2

Однако прежде, чем отправиться в путь, супругам пришлось переделать много дел. В такой деревне, как у них, многие вещи, необходимые в путешествии, – одеяла, фляги для воды, трут – находились в общем пользовании, и, чтобы заполучить их себе, пришлось долго рядиться с соседями. Более того, и на Акселе, и на Беатрисе, несмотря на преклонный возраст, лежали ежедневные обязанности, и они не могли просто уйти, не получив на то согласия общины. А когда они наконец-то были готовы отправиться в путь, испортилась погода, снова их задержав. Ибо какой смысл терпеть ненастье в виде тумана, дождя и холода, когда стоит чуток подождать, и снова выглянет солнце?

Но в конце концов в одно ясное утро, когда по небу плыли белоснежные облака и дул свежий ветер, супруги отправились в путь с дорожными посохами в руках и котомками за спинами. Аксель хотел выступить с рассветом – у него не было сомнений, что день будет ясным, – но Беатриса стояла на том, чтобы дождаться, пока солнце взойдет повыше. Она уверяла, что до саксонской деревни, где они собирались укрыться в первую ночь, не больше дня пешком ходом, а границу

Великой Равнины им уж точно следовало пересечь как можно ближе к полудню, когда обитающие там темные силы сморит сон.

Супруги уже давненько никуда не ходили вместе, и Аксель тревожился, хватит ли жене сил. Но уже через час он успокоился: несмотря на медленный шаг – он снова заметил, что при ходьбе Беатриса немного припадает на одну ногу, словно стараясь смягчить боль, – она шла вперед уверенно, пригибая голову от ветра на открытой равнине и бесстрашно сражаясь с чертополохом и молодой лесной порослью. Когда дорога шла в гору или была такой грязной, что было трудно вытаскивать ноги, она сбавляла шаг, но продолжала идти вперед.

В дни, предшествовавшие выходу, Беатриса все больше уверялась, что помнит путь, по крайней мере до саксонской деревни, которую она уже много лет часто навещала вместе с другими крестьянками. Но, стоило им потерять из виду скалистые горы над их поселением и пересечь долину за болотом, как уверенности у нее поубавилось. На развилках или у открытого всем ветрам поля Беатриса останавливалась и долго стояла, окидывая окрестности взглядом, в котором сквозила паника.

– Не волнуйся, принцесса, – твердил Аксель в таких случаях. – Не волнуйся и никуда не спеши.

– Но, Аксель, – отвечала она, оборачиваясь к нему, – нам надо спешить. Если мы хотим избежать опасности, нужно пересечь Великую Равнину к полудню.

– Мы будем там вовремя, принцесса. Никуда не спеши.

Я мог бы отметить, что в те времена ориентироваться на открытой местности было намного труднее, и не только за неимением надежных компасов и карт. Не было еще зеленых изгородей, которые сегодня так удобно делят уголья на поля, дороги и луга. Путешественник в те времена зачастую оказывался посреди безликого пейзажа, практически неизменного, в какую сторону ни глянь. Ряд стоячих камней на горизонте, поворот реки, перепад высоты на дне долины – при прокладке маршрута приходилось полагаться только на такие ориентиры. И неверный поворот часто приводил к губительным последствиям. Не считая возможности сгинуть от непогоды, сбиться с пути означало неминуемо подвергнуться риску нападения со стороны человека, зверя или существа сверхъестественного, которые устраивали засады в стороне от торных дорог.

Возможно, вы бы удивились тому, как мало Аксель с Беатрисой беседовали по пути, ведь у наших супругов всегда хватало тем для разговоров. Но в те времена, когда сломанная лодыжка или воспалившаяся царапина могли стоять жизни, считалось естественным уделять все внимание ходьбе. Возможно, вы бы также заметили, что всякий раз, когда тропа становилась слишком узкой, чтобы идти по ней рядом, первой шла именно Беатриса, не Аксель. Это тоже могло вас удивить, ведь считается, что мужчине больше пристало первым ступить на таящую неведомые опасности землю, и, разумеется, в лесу или там, где можно было повстречать волка или медведя, они бы без лишних слов поменялись местами. Но в большинстве случаев Аксель следил, чтобы жена шла первой, потому что каждое чудовище или злой дух, которые могли им повстречаться, обычно выбирали для нападения того, кто шел последним, – думаю, примерно так же большие кошки преследуют антилопу, замыкающую стадо. Частенько бывало, что путник, оглянувшись за идущего следом товарища, обнаруживал, что тот бесследно исчез. Именно боязнь подобного происшествия заставляла Беатрису то и дело переспрашивать на ходу: «Аксель, ты еще здесь?» На что тот неизменно отвечал: «Здесь, принцесса».

Супруги достигли Великой Равнины, когда утро было уже на исходе. Аксель предложил продолжать путь, чтобы побыстрее пройти это опасное место, но Беатриса настояла, чтобы дождаться полудня. Они сели на камень на вершине склона, спускающегося к равнине, и принялись наблюдать за укоротившимися тенями посохов, воткнув их перед собой в землю.

– Небо, может, и чистое, Аксель. И я никогда не слышала, чтобы в этом уголке равнины с кем-нибудь приключилось что-то дурное. И все же давай дождемся полудня, тогда никакому дьяволу уж точно не придет в голову выскакивать и глазеть на нас.

– Подождем, как скажешь, принцесса. И ты права, Великая Равнина есть Великая Равнина, пусть здесь и царит благодать.

Какое-то время они сидели молча, рассматривая расстилавшийся перед ними пейзаж. Тишину нарушила Беатриса:

– Аксель, когда мы встретимся с сыном, он обязательно станет настаивать, чтобы мы остались жить в его деревне. Разве не странно будет покинуть соседей, с которыми мы прожили столько лет, путь даже они и осыпают насмешками наши седые головы?

– Ничего еще не решено, принцесса. Вот увидимся с сыном, все и обсудим. – Аксель продолжал задумчиво смотреть на Великую Равнину. Потом покачал головой и тихо сказал:

– Это так странно, что я совершенно его не помню.

– Кажется, прошлой ночью он мне приснился. Он стоял у колодца и, чуть повернувшись в сторону, кого-то звал. Что было до и после, не помню.

– По крайней мере, ты его видела, принцесса, пусть и во сне. Какой он был?

– Помню, лицо у него решительное и красивое. Что до цвета глаз, формы скул – их я не запомнила.

– Я совсем не помню его лица. Наверное, это из-за хмари. Я многое был бы рад в нее опустить, но не иметь возможности воскресить такое драгоценное воспоминание – мучительно.

Беатриса придвинулась ближе к мужу и положила голову ему на плечо. Под жестокими порывами ветра ее плащ распахнулся. Обняв ее, Аксель поймал хлопающий край и поплотнее его запахнул.

– Ну, мне кажется, один из нас обязательно его вспомнит, и очень скоро.

– Давай попробуем, Аксель. Давай попробуем вместе. Это все равно как если бы мы задевали куда-то драгоценный камень. Но мы его обязательно отыщем, если будем искать вместе.

– Конечно отыщем, принцесса. Но, смотри, тени почти исчезли. Пора спускаться.

Беатриса выпрямилась и начала копать в своей котомке.

– Вот, возьмем это.

Она вручила ему нечто, с виду напоминающее две гладкие гальки, но, присмотревшись, он заметил на каждой из них затейливую резьбу.

– Положи их себе за пояс, Аксель, так, чтобы знаки смотрели наружу. Это поможет Господу нашему Иисусу Христу нас защитить. А эти я возьму себе.

– Мне хватит и одного, принцесса.

– Нет, Аксель, поделим их пополам. Вот, помнится, там есть тропа, и, если дождь ее не размыл, идти будет много легче, чем до сих пор. Но есть место, где следует быть осторожными. Аксель, ты слушаешь? Там, где тропа проходит над могилой великана. Для тех, кто ничего об этом не знает, это просто обычный холм, но я подам тебе знак, и, когда ты его увидишь, нужно будет сойти с тропы и обойти холм по краю, пока мы не выйдем на ту же тропу, когда она пойдет вниз. Топтать такую могилу добра не принесет, будь то в полдень или нет. Ты хорошо меня понял, Аксель?

– Не волнуйся, принцесса, я очень хорошо тебя понял.

– Не стоит и напоминать: если нам встретится незнакомец, не важно, будет ли он стоять у нас на пути или окликнет с расстояния, или несчастный зверь, который попал в капкан или лежит в канаве раненый, или что-то еще, бросающееся в глаза, не говори ни слова и не замедляй шаг.

– Я не дурак, принцесса.

– Ну, тогда, Аксель, нам пора.

Как и обещала Беатриса, пройти по Великой Равнине требовалось только совсем немного. Тропа, пусть временами и тонувшая в грязи, оставалась хорошо видна и никогда не уводила их с солнца. Спустившись поначалу, дальше она все время вела вверх, пока супруги не обнаружили, что идут вдоль высокого горного края, а по обе стороны от них расстилаются вересковые пустоши. Дул жестокий ветер, но с ним вполне можно было смириться, потому что он служил противовесом полуденному солнцу. Земля вокруг сплошь поросла вереском и можжевельником, никогда не поднимавшимися выше колен, и только иногда взгляд цеплялся за дерево, всякий раз одинокое, похожее на старую каргу, чья спина согнулась от постоянного ветра. Потом справа показалась долина, напомнив о мощи и тайнах Великой Равнины и о том, что им выпало пересечь всего лишь маленький ее уголок.

Супруги шли гуськом, вплотную друг к другу, Аксель едва не наступал жене на пятки. Но всю дорогу Беатриса то и дело вопрошала, словно читала литанию: «Аксель, ты еще здесь?» – на что тот отвечал: «Здесь, принцесса». За исключением этих ритуальных реплик, они хранили молчание. Даже когда супруги достигли кургана, под которым был погребен великан, и Беатриса замахала руками, указывая, что нужно сойти с тропы в вереск, они размеренным тоном продолжали переключку, словно для того, чтобы обмануть злых духов, вздумай те их подслушивать. Аксель все время следил, не надвигается ли хмарь и не темнеет ли небо, но ни на что подобное не было и намека, а вскоре и вся Великая Равнина осталась позади. Пока супруги карабкались вверх через пролесок, наполненный щебетанием певчих птиц, Беатриса молчала, но Аксель заметил, что жена как-то расслабилась и уже не казалась такой отстраненной.

Супруги сделали привал у ручья, где помыли ноги, поели хлеба и наполнили фляги. Дальше их путь лежал по длинной просевшей дороге, оставшейся от римлян, окаймленной дубами и вязами, – идти по ней было гораздо легче, хотя при этом требовалось остерегаться других путников, которые неминуемо должны были им встретиться. И действительно, в первый же час им встретились женщина с двумя детьми, мальчик со стадом ослов и двое странствующих жонглеров, спешивших догнать свою труппу. Каждый раз путники останавливались, чтобы обменяться любезностями, но однажды, услышав приближавшийся грохот колес и копыт, спрятались в канаве. Грохот тоже оказался безобидным – это была повозка с лошадью, доверху полная дров, которой правил крестьянин-сакс.

После полудня в небе принялись сгущаться тучи, как бы ненароком возвещая бурю. Супруги отдыхали под раскидистым дубом, повернувшись спиной к дороге и укрывшись от других путников. Перед ними расстилался широкий простор, поэтому они тут же заметили надвигающиеся перемены.

– Не волнуйся, принцесса. Под этим деревом мы укроемся и переждем дождь, пока не вернется солнце.

Но Беатриса уже поднялась на ноги, подалась вперед и приложила ладонь козырьком ко лбу.

– Я вижу, что дорога поворачивает, Аксель. И тут неподалеку есть старая вилла. Как-то раз нам с товарками случилось в ней укрыться. Развалина развалиной, конечно, но крыша тогда была еще цела.

– Успеем ли мы добраться до нее до того, как разразится буря, принцесса?

– Успеем, если пойдем прямо сейчас.

– Тогда поспешим. Нет никакого резону простудиться до смерти, промокнув до костей. А в кроне этого дерева, как я посмотрю, полно дыр, сквозь которые отлично видно все небо над головой.

* * *

Разрушенная вилла оказалась дальше от дороги, чем запомнилось Беатрисе. Уже упали первые капли дождя, небо над головой стремительно темнело, а супруги все брели по узкой тропинке по пояс в крапиве, которую приходилось отбивать посохами. С дороги руины было хорошо видно, но остальную часть пути они все больше скрывались за деревьями и зелеными зарослями, поэтому, когда они вдруг выросли прямо перед ними, путники испытали облегчение и потрясение одновременно.

Во времена римлян вилла наверняка была великолепна, но теперь от здания осталась только малая часть. Когда-то богато украшенные полы, предоставленные непогоде, были покорежены стоячими лужами, сквозь поблекшие плитки пробивалась сорная трава. Остатки стен, местами лишь по щиколотку высотой, открывали взгляду прежнюю планировку комнат. В уцелевшую часть здания вела каменная арка, и Аксель с Беатрисой осторожно приблизились к ней и прислушались на пороге. Наконец Аксель позвал: «Есть здесь кто-нибудь?» И, когда ответа не последовало, добавил: «Нас тут двое стариков-бриттов, мы ищем укрытия от грозы. Мы пришли с миром».

Ответом было молчание, и супруги вошли через арку в сумрак того, что когда-то должно было служить коридором. Коридор вел в залитую серым светом просторную комнату, хотя и в ней одна из стен была полностью разрушена. Соседняя комната совершенно исчезла, и внутрь настойчиво лез вечнозеленый кустарник, сдерживаемый только остатками пола. Однако три оставшихся стены, над которыми даже сохранился потолок, могли послужить укрытием. Здесь, у закопченной каменной кладки, оставшейся от когда-то побеленных стен, на некотором расстоянии друг от друга находились две темные фигуры, стоящая и сидящая.

На выпавшем из кладки камне сидела маленькая, похожая на птицу старуха, возрастом старше Акселя с Беатрисой, в черном плаще, капюшон которого был сдвинут назад, давая рассмотреть выдубленное годами лицо. Глаза у нее запали так глубоко, что их почти не было видно. Сгорбленная спина едва касалась стены. У нее на коленях что-то копошилось, и Аксель разглядел крепко зажатого в костлявых руках кролика.

У дальнего края той же самой стены, словно специально отодвинувшись от старухи как можно дальше, оставаясь при этом под крышей, стоял худой, необычно высокий человек. На нем был плотный длинный плащ, вроде тех, что пастухи надевают на выпас в холодную ночь, но из-под него торчали голые лодыжки. Обут незнакомец был в башмаки, какие Акселю доводилось видеть на рыбаках. Хотя он, возможно, был еще молод, макушка его была совершенно лысой, а вокруг ушей торчали пучки темных волос. Человек стоял неподвижно, спиной к комнате и опирался одной рукой на стену перед собой, словно напряженно прислушиваясь к происходящему по другую сторону. Когда Аксель с Беатрисой вошли, незнакомец глянул на них через плечо, но ничего не сказал. Старуха тоже посмотрела на супругов молча, и только когда Аксель проговорил: «Мир вам», – оба немного оттаяли. Высокий человек произнес:

– Входите же, друзья, или сухими вам не остаться.

И верно, небеса разверзлись, и сквозь разрушенную часть крыши хлынула вода, падая на пол рядом с местом, где остановились путники. Поблагодарив незнакомца, Аксель подвел жену к стене, выбрав место между хозяевами. Помог Беатрисе снять котомку и свою тоже поставил на пол.

Какое-то время все четверо молчали, а гроза разбушевалась еще яростней, осветив их убежище вспышкой молнии. Станные скованные позы, в которых замерли высокий человек со старухой, словно околдовали Акселя с Беатрисой, и супруги тоже замолкли, неподвижно застыв. Создавалось впечатление, что, оказавшись перед картиной и войдя в нее, они и сами были вынуждены превратиться в нарисованных персонажей.

Когда ливень превратился в размеренный дождь, птицеподобная старуха наконец прервала молчание. Глядя кролика одной рукой и цепко удерживая его другой, она проговорила:

– Господь с вами, родичи. Простите, что не поприветствовала вас раньше, уж очень удивилась, увидев вас здесь. Однако знайте, что вам здесь рады. Прекрасный был день для путешествия, пока не налетела гроза. Но вот увидите, она из тех, что прекращаются так же внезапно, как и начались. Она не задержит вас надолго, зато у вас будет время отдохнуть. Куда вы направляетесь, родичи?

– Мы идем в деревню сына, – ответил Аксель, – где он с нетерпением нас дожидается. Но сегодня мы остановимся на ночлег в саксонской деревне, до которой надеемся добраться к вечеру.

– Саксы – дикий народ. Но с путниками они гостеприимнее, чем мы сами. Садитесь, родичи. Там, за вами, сухое бревно, я сама на нем часто сижу и нахожу его весьма удобным.

Аксель и Беатриса последовали ее совету, и на какое-то время между соседями снова повисло молчание, которое нарушал лишь шум льющего с неба дождя. В конце концов старуха пошевелилась, и Аксель посмотрел на нее. Она тянула кролика за уши и, пока зверек пытался вырваться, крепко сжимала его рукой, похожей на когтистую лапу. Под взглядом Акселя старуха достала другой рукой большой ржавый нож и приставила его к горлу животного. Почувствовав, как вздрогнула Беатриса, Аксель понял, что темные пятна у них под ногами и по всему разбитому полу были вьезшейся кровью и что к запаху плюща и мокрой лепнины примешивался еще один, слабый, но устойчивый, – запах бойни.

Приставив нож к горлу кролика, старуха снова замерла. Аксель увидел, что ее запавшие глаза безотрывно смотрят на высокого человека у дальнего конца стены, словно она ждала от него сигнала. Но тот по-прежнему хранил неподвижность, почти касаясь лбом стены. Он либо не замечал старухи, либо решил не обращать на нее внимания.

– Добрая госпожа, – произнес Аксель, – убейте кролика, если вам так угодно. Но просто сверните ему шею. Или возьмите камень и ударьте как следует.

– Будь у меня на то силы, сэ,р, но я слишком слаба. У меня только острый нож, и ничего больше.

– Тогда буду рад вам помочь. Нож не понадобится. – Аксель встал и протянул руку, но старуха не сделала ни одного движения, чтобы отдать кролика. Она

сидела все в той же позе, приставив нож к горлу зверька и не сводя глаз с человека в другом конце комнаты.

Наконец высокий человек повернулся к ним лицом.

– Друзья, – произнес он, – ваше появление меня удивило, но теперь я ему рад. Ибо я вижу, что вы добрые люди, и умоляю вас, пока вы переживаете здесь грозу, выслушать рассказ о моей беде. Я – простой лодочник, который возит путников через бурные воды. Со своей работой я свыкся, хотя труд это тяжелый, и, когда у переправы собирается много народу, мне редко удается поспать, и каждый взмах весла отдается болью в руках. Я работаю и в дождь, и в ветер, и под палящим солнцем. Но мне не дает унывать мысль об отдыхе. Потому что нас, лодочников, несколько, и каждый по очереди имеет право на отдых, пусть для этого и нужно отработать несколько долгих недель. У каждого из нас есть особое место, где мы проводим свободные дни, и мое, друзья, находится здесь. В этом доме я провел беззаботное детство. Он уже не тот, что прежде, но для меня он полон драгоценных воспоминаний, и я прихожу сюда, желая только спокойно ими насладиться. А теперь слушайте. Всякий раз, когда я здесь появляюсь, где-то через час после моего прихода в арку входит эта старуха. Усаживается поудобнее и принимается гнобить меня, час за часом, день и ночь подряд. Ее упреки жестоки и несправедливы. Самые жуткие проклятия она приберегает на ночь. Не дает мне ни отдыха, ни сроку. Иногда, как видите, она приносит с собой кролика или другую мелкую тварь, чтобы зарезать ее здесь и осквернить кровью священное для меня место. Я, как мог, пытался убедить ее оставить меня в покое, но если Господь и наделил ее жалостью, то она научилась не обращать на нее внимания. Она не уходит и не прекращает своих злобных упреков. На этот раз только ваше внезапное появление помешало ей продолжить меня гнобить. Уже очень скоро придет время собираться в обратный путь, а потом меня ждут недели тяжелого труда на море. Друзья, умоляю вас сделать все, что в ваших силах, чтобы она ушла. Убедите ее, что такое поведение нечестиво. Может, у вас получится на нее повлиять, ведь вы люди пришлые, и она вас не знает.

Когда лодочник выговорился, повисло молчание. Позже Акселю вспоминалось, что тогда у него возникло смутное желание ответить, и в то же самое время – чувство, что тот человек говорил с ним во сне и что на самом деле ответа вовсе не требовалось. По-видимому, Беатриса тоже не чувствовала потребности ответить немедленно, потому что, не отрываясь, смотрела на старуху, которая успела убрать нож от кроличьего горла и теперь чуть ли не с нежностью

гладила мех зверька краем лезвия. Наконец Беатриса заговорила:

– Госпожа, умоляю, позвольте моему мужу помочь вам с кроликом. Нет никакой необходимости проливать кровь в таком месте, и здесь нет подходящей посуды, чтобы ее собрать. Вы навлечете несчастье не только на этого честного лодочника, но и на саму себя, и на всех путников, которые забредут сюда в поисках крова. Отложите нож и забейте эту тварь милосердно где-нибудь в другом месте. И какой вам прок в том, чтобы так гнобить человека, как вы – этого работающего лодочника?

– Давай не будем торопиться упрекать эту женщину, принцесса, – тихо сказал Аксель. – Мы не знаем, что произошло между ними. Лодочник кажется честным человеком, но пусть даже так, у нее могут быть свои причины приходить сюда и делать то, что она делает.

– Вы выразились как нельзя лучше, сэр, – откликнулась старуха. – Нравится ли мне коротать свои последние дни подобным образом? Я бы предпочла быть далеко отсюда со своим мужем, с которым разлучена из-за этого самого лодочника. Мой муж был мудрым и осторожным человеком, сэр, и мы с ним долго обсуждали это путешествие, говорили и мечтали о нем много лет. И когда мы наконец подготовились и собрали все, что было нужно, то отправились в путь и через несколько дней нашли гавань, откуда можно было переправиться на остров. Мы стали ждать паромщика и через какое-то время увидели, что к нам плывет лодка. Но вот незадача – в ней был этот самый человек. Видите, какой он высоченный. Лодка качалась на воде, а он стоял в ней со своим длинным веслом на фоне неба – ни дать ни взять скоморох на ходулях, такой же худой и высокий. Он пристал к скалистому берегу в том месте, где стояли мы с мужем, и привязал лодку. И я до сего дня не могу понять, как ему это удалось, но он нас обманул. Мы были слишком доверчивы. Ведь до острова было рукой подать, и лодочник забрал мужа и оставил меня ждать на берегу, а ведь мы сорок лет прожили супругами и ни дня не провели порознь. Не знаю, как он это сделал. Наверное, его голос нас убаюкал, потому что я и опомниться не успела, как он уже греб прочь с моим мужем, а я осталась на берегу. Но даже тогда я ничего не заподозрила. Кто стал бы подозревать лодочника в такой жестокости? Я принялась ждать. Я сказала себе, что все дело в том, что лодка не может взять за раз больше одного пассажира, потому что в тот день море было беспокойно, а небо почти такое же темное, как сейчас. Я стояла на скале и смотрела, как лодка становится все меньше, пока она не превратилась в точку. А я все ждала, и вот эта точка стала расти – лодочник возвращался. Вскоре я уже могла

рассмотреть его гладкий, как галька, череп, и видно было, что лодка пуста. И я вообразила, что пришел мой черед и что скоро я воссоединюсь со своим возлюбленным. Но когда он подплыл к тому месту, где я ждала, и привязал веревку к шесту, он покачал головой и отказался меня перевозить. Я спорила, рыдала, кричала на него, но он меня не слушал. Вместо этого он предложил мне – какая жестокость! – предложил мне кролика, которого, по его словам, поймал в капкан на острове. Он привез его мне, полагая, что из него выйдет отличный ужин в мой первый одинокий вечер. Потом, видя, что никто больше не ждет переправы, он уплыл прочь, оставив меня рыдать на берегу с его гнусным кроликом. Я тут же выпустила его в вереск, потому что, говорю вам, в тот вечер у меня не было аппетита, да и потом он нескоро появился. Вот почему каждый раз, как я прихожу сюда, я приношу ему свой подарочек. Кролика на рагу в обмен на доброту, которую он в тот день проявил.

– Тот кролик предназначался на ужин мне, – прозвучал голос лодочника с другого конца комнаты. – Мне стало ее жаль, и я отдал его ей. Просто решил сделать доброе дело.

– Мы ничего не ведаем о ваших делах, сэра, – сказала Беатриса. – Но бросить женщину в одиночестве на берегу – это жестокий обман. Что заставило вас так поступить?

– Добрая госпожа, остров, о котором говорит эта старая женщина, не простой. Мы, лодочники, за долгие годы многих туда перевезли, и по его полям и лесам бродят уже сотни жителей. Но это место обладает странным свойством: тот, кто туда попадает, обречен бродить по полям и лесам в одиночестве, не встречая ни души. Иногда, в лунную ночь или накануне шторма, он может почувствовать присутствие соседей. Но большую часть времени каждому путнику мнится, что он – единственный его обитатель. Я бы с радостью перевез туда эту женщину, но когда она поняла, что расстанется с мужем, то заявила, что такое одиночество ей не нужно, и отказалась ехать. Я уважил ее решение, как и должен был, и отпустил ее восвояси. Кролика же я отдал ей по доброте душевной. И вы сами видите, как она меня отблагодарила.

– Лодочник хитер, – заявила старуха. – Он смеет обманывать вас, невзирая на то что вы пришли из чужих краев. Он заставит вас поверить, что всякая душа бродит по тому острову в одиночестве, но это ложь. Стали бы тогда мы с мужем столько лет мечтать о подобном месте? Правда в том, что многим венчанным мужьям и женам дозволяется переплыть море вместе и вместе жить на острове.

Многим выпадает бродить по тем лесам и тихим берегам рука об руку. Мы с мужем об этом знали. Знали с самого детства. Добрые родичи, если вы пороетесь у себя в памяти, вы тут же вспомните, что это правда. Дожидаясь в той гавани, мы даже не подозревали, насколько жесток окажется лодочник, который к нам приплывет.

– То, что она говорит, правдиво лишь отчасти. Иногда мужу с женой разрешается переправиться на остров вместе, но очень редко. Для этого их должны связывать исключительно сильные узы любви. Такое бывает, не стану отрицать, и поэтому, если в очереди на переправу оказываются супруги, пусть даже и невенчаные, мы обязаны тщательно их допросить. Потому что именно мы решаем, настолько ли сильна их любовь, чтобы отплыть в одной лодке. Эта женщина не хочет признаться, но ее привязанность к мужу была слишком слаба. Пусть она заглянет себе в душу, а потом посмеет сказать, что в тот день я рассудил не по совести.

– Госпожа, – обратилась к той Беатриса. – Что вы на это скажете?

Старуха молчала. Она не поднимала глаз, продолжая насупленно водить лезвием по меху кролика.

– Госпожа, – произнес Аксель, – когда дождь перестанет, мы вернемся на дорогу. Почему бы вам не уйти отсюда вместе с нами? Мы с радостью разделим с вами часть пути. А на досуге сможем развлечь вас беседой. Пусть этот добрый лодочник спокойно насладится тем, что осталось от этого дома, пока он окончательно не развалился. Зачем вам здесь сидеть? А прежде чем наши дороги разойдутся, я аккуратно забью для вас кролика, если пожелаете. Что скажете?

Старуха молчала, не подавая виду, что услышала слова Акселя. Через какое-то время она медленно поднялась на ноги, прижимая кролика к груди. Старуха направилась к разбитой стене, и, поскольку она была крошечного роста, плащ волочился за ней по полу. Сквозь дыру в потолке ее обдало водой, но она не обратила на это внимания. Дойдя до дальнего конца комнаты, она посмотрела на льющий снаружи дождь и подступающие к дому зеленые заросли. Потом, медленно согнувшись, опустила кролика на пол у своих ног. Поначалу зверек, явно оцепеневший от страха, не двигался. А потом юркнул в траву.

Старуха осторожно выпрямилась. Повернувшись, она, судя по всему, посмотрела на лодочника – ее странно запавшие глаза не позволяли определить точно – и сказала:

– Эти странники отбили у меня аппетит. Но он вернется, не сомневаюсь.

С этими словами она подобрала полы плаща и медленно шагнула в траву, словно в пруд с водой. Оказавшись под сплошной пеленой дождя, она поглубже натянула на голову капюшон и направилась в высокие заросли крапивы.

– Обождите чуток, и мы пойдем с вами, – крикнул ей вслед Аксель. Но тут же почувствовал, как ему на плечо легла рука Беатрисы, и услышал ее шепот:

– Не нужно с ней связываться, Аксель. Пусть себе идет.

Когда через несколько секунд Аксель подошел к месту, откуда шагнула вниз старуха, он почти ожидал увидеть ее где-нибудь, заплутавшую среди растительности и не способную двигаться дальше. Но той и след простыл.

– Спасибо, друзья, – сказал стоявший у него за спиной лодочник. – По крайней мере сегодня мне будет позволено без помех вспомнить детство.

– Скоро мы тоже перестанем нарушать ваш покой, – ответил Аксель. – Как только утихнет гроза.

– Вам нет нужды спешить. Ваша речь была исполнена благоразумия, и я благодарен вам за нее.

Аксель, не отрываясь, смотрел на дождь. За спиной послышался голос жены:

– Наверное, когда-то этот дом был великолепен, сэра.

– О, вы правы, добрая госпожа. Когда я был мальчишкой, я и не знал, насколько он великолепен, потому что никогда не видел ничего другого. Он был полон прекрасных картин и сокровищ, добрых и мудрых слуг. Вон там был обеденный зал.

– Должно быть, грустно видеть его таким, сэр.

– Я благодарен, добрая госпожа, что он хотя бы еще стоит. Потому что этот дом повидал войну, когда многие, ему подобные, были сожжены дотла и от них осталась разве что пара кочек, поросших травой да вереском.

И тут Аксель услышал шаги Беатрисы и почувствовал, как ее рука легла ему на плечо.

– В чем дело, Аксель? – спросила она, понизив голос. – Ты встревожен, я вижу.

– Ничего, принцесса. Дело в этих руинах. Мне на миг показалось, что это я предаюсь здесь воспоминаниям.

– Каким воспоминаниям, Аксель?

– Не знаю, принцесса. Когда этот человек говорит о войнах и сожженных домах, у меня словно что-то всплывает в памяти. Должно быть, то, что было до нашего с тобой знакомства.

– А было ли время, когда мы не были знакомы, Аксель? Иногда мне кажется, что мы вместе с младенчества.

– Мне тоже так кажется, принцесса. Просто в этом странном месте на меня находит какая-то дурь.

Она задумчиво посмотрела на него. Потом сжала ему руку и тихо сказала:

– Это и вправду странное место, и оно может оказаться для нас опаснее, чем любой дождь. Аксель, мне не терпится уйти отсюда. Пока та женщина не вернулась или не случилось еще чего похуже.

Аксель кивнул. Обернувшись, он сказал в другой конец комнаты:

– Ну, лодочник, небо, вроде, проясняется, поэтому мы пойдем. Премного благодарны за приют.

Лодочник ничего на это не ответил, но, когда они принялись надевать котомки, подошел помочь и подал им посохи.

– Доброго пути, друзья. Желаю вам найти сына в добром здравии.

Они снова его поблагодарили и уже выходили через арку, когда Беатриса вдруг остановилась и посмотрела назад.

– Раз мы расстаемся, сэра, и, возможно, никогда больше не встретимся, позвольте задать вам один вопрос.

Лодочник, не отходя от стены, внимательно на нее посмотрел.

– Вы тут рассказывали, сэра, – продолжала Беатриса, – о том, что должны задавать вопросы парам, которые приходят на переправу. Вы сказали, что нужно удостовериться, что узы их любви достаточно крепки, чтобы позволить им отплыть на остров вместе. И, сэра, мне вот что интересно. Какие вопросы вы задаете им, чтобы это выяснить?

Лодочник заколебался. Но в конце концов ответил:

– По правде, добрая госпожа, мне не полагается говорить о таких вещах. На самом деле по правилам мы не должны были сегодня встретиться, но волею странного случая встретились, и я об этом не сожалею. Вы оба были добры и встали на мою сторону, и за это я вам благодарен. Поэтому постараюсь ответить, как смогу. Да, вы правы, моя обязанность – допрашивать всех, кто хочет переправиться на остров. Если речь идет о таких супругах, как вы говорите, которые утверждают, что их связывают крепкие узы, тогда я прошу их открыть мне свои самые драгоценные воспоминания. Сначала спрашиваю одного, потом другого. Каждый супруг должен говорить отдельно. Так быстро открывается истинная природа их связи.

– Но разве это не трудно, сэра, – разглядеть, что именно скрыто в людских сердцах? Внешность бывает обманчива.

– Это верно, добрая госпожа, но ведь мы, лодочники, за долгие годы повидали столько народу, что нам не требуется много времени, чтобы распознать обман.

Кроме того, когда странники рассказывают о самых драгоценных воспоминаниях, им никогда не удастся скрыть правду. Пара может заявить, что их связывает любовь, но мы, лодочники, можем увидеть вместо нее неприязнь, злобу, даже ненависть. Или полнейшее равнодушие. Иногда – страх одиночества, и ничего больше. Верную любовь, пережившую годы, мы видим очень редко. Когда же она нам встречается, мы только рады перевезти супругов вместе. Добрая госпожа, я уже сказал больше, чем мог.

– Благодарю вас, лодочник. Вы удовлетворили старушечье любопытство. Теперь мы оставим вас с миром.

– Доброго вам пути.

* * *

Супруги вновь зашагали по прежней тропе сквозь заросли папоротника и крапивы. Прошедшая гроза осложнила путь, поэтому, как бы ни хотелось им оказаться от виллы подальше, шли они с осторожностью. Когда они наконец добрались до разбитой дороги, дождь все еще шел, и они укрылись под первым попавшимся большим деревом.

– Ты промокла насквозь, принцесса?

– Не волнуйся, Аксель. Плащ послужил мне на славу. Как ты сам?

– Ничего такого, чего не высушит солнце.

Они положили котомки наземь и прислонились к стволу, переводя дух. Спустя недолгое время Беатриса тихо сказала:

– Аксель, мне страшно.

– Почему, принцесса, что случилось? Тебе больше ничто не угрожает.

– Помнишь ту странную женщину в черных лохмотьях, с которой ты застал меня тогда у старого терновника? Может, она и походила на сумасшедшую

страницу, но история, которую она мне рассказала, очень похожа на историю этой старухи. Ее мужа тоже забрал лодочник, и она осталась на берегу одна. А когда, рыдая от одиночества, она возвращалась из гавани, то увидела, что идет по краю высокой долины, а впереди и позади тянется длинная тропа, и по ней бредут люди, рыдающие, в точности как она сама. Услышав это, я не особенно испугалась, сказав себе, что к нам с тобой, Аксель, это не имеет отношения. Но она все твердила, что эти земли прокляты хмарью забвения, что мы с тобой часто и сами замечали. А потом она спросила: «Как вы с мужем докажете свою любовь друг к другу, если не помните вашего общего прошлого?» И с тех самых пор это не идет у меня из головы. И временами мне становится очень страшно.

– Но чего здесь бояться, принцесса? Ведь у нас нет ни намерения, ни желания ехать ни на какой остров.

– Пусть даже так, Аксель. Что, если наша любовь увянет раньше, чем нам придет в голову подумать о таком месте?

– Что ты такое говоришь, принцесса? Разве может наша любовь увянуть? Разве теперь она не сильнее, чем когда мы были глупыми юными любовниками?

– Но, Аксель, я даже не могу припомнить тех дней. Ни лет, что нас от них отделяют. Мы не помним ни наших пылких ссор, ни мгновений, которыми наслаждались и которые так ценили. Мы не помним ни собственного сына, ни почему его нет с нами рядом.

– Мы сможем вернуть эти воспоминания, принцесса. Кроме того, чувство к тебе, что живет в моем сердце, останется прежним, не важно, вспомню я что-то или забуду. Разве ты не чувствуешь то же самое?

– Чувствую, Аксель. Но я все равно спрашиваю себя, чем отличаются чувства, которые сейчас живут в наших сердцах, от дождевых капель, которые все падают на нас с мокрых листьев, хотя дождь давно уже перестал. Я боюсь, что без воспоминаний наша любовь неминуемо померкнет и умрет.

– Бог ничего подобного не допустит, принцесса. – Аксель произнес это тихо, почти в такт дыханию, потому что сам чувствовал, как в нем пробуждается необъяснимый страх.

– В тот день у старого терновника, – продолжала Беатриса, – странница предупредила меня, что нельзя терять времени. Она сказала, что нам нужно сделать все возможное, чтобы вспомнить то, что мы пережили, как хорошее, так и плохое. И вот лодочник, когда мы уходили, дал мне именно тот ответ, которого я ждала и страшилась. На что нам надеяться, Аксель, если мы останемся такими же, как сейчас? Если кто-то вроде него спросит о наших самых драгоценных воспоминаниях? Аксель, мне так страшно.

– Ну, принцесса, бояться нечего. Наши воспоминания не исчезли бесследно, просто затерялись где-то из-за этой проклятой хмари. Мы найдем их снова, одно за другим, если будет нужно. Разве не за этим отправились мы в путь? Как только мы увидим перед собой сына, многое, без сомнения, сразу же вспомнится.

– Надеюсь, что так. Слова лодочника меня еще больше напугали.

– Забудь о нем, принцесса. Что нам за дело до его лодки или до того острова, если на то пошло? И ты права, дождь уже перестал, и мы быстрее высохнем, если мы выйдем из-под этого дерева. Давай продолжать путь, и не будем ни о чем беспокоиться.

Глава 3

С отдаленной возвышенности саксонская деревня показалась бы вам больше похожей на собственно деревню, чем нора Акселя и Беатрисы. Во-первых, наверное, саксы были более склонны к клаустрофобии – потому что тут никто не зарывался в недра холма. Спускаясь по крутому склону, как Аксель с Беатрисой тогда вечером, вы увидели бы внизу сорок или даже больше отдельных домов, расположенных на дне долины двумя неровными кругами, один внутри другого. Возможно, с такого расстояния было бы трудно заметить различия в размерах и богатстве отделки, но вы наверняка разглядели бы соломенные крыши и то, что многие из них – это так называемые круглые дома[2 - Тип жилища с круглым основанием, распространенный в Западной Европе еще до римского завоевания. В древности стены таких домов делали либо из камня, либо из деревянных столбов, соединенных обмазкой, а коническую крышу крыли тростником. Отверстия в крыше над очагом не было, дым выходил наружу, просачиваясь

сквозь тростник.] и ненамного отличаются от тех, в которых довелось вырасти некоторым из вас или, возможно, вашим родителям. Однако если саксы и были готовы пожертвовать толикой безопасности ради прелестей свежего воздуха, они позаботились о мерах предосторожности: деревня была целиком обнесена высоким забором из связанных между собой кольев с заостренными, точно у гигантских карандашей, концами. На любом отрезке он был по меньшей мере вдвое выше человеческого роста, а чтобы перспектива забраться на него стала еще менее заманчивой, вдоль всего забора снаружи был выкопан глубокий ров.

Вот какая картина открылась Акселю и Беатрисе, когда они остановились перевести дух, спускаясь с холма. Солнце уже садилось за горизонт, и Беатриса, у которой зрение было получше, снова встала, чуть наклонившись вперед, в траве с одуванчиками, доходившей ей до пояса, на пару шагов впереди Акселя.

– На воротах четверо, нет, пятеро стражников. И, по-моему, у них в руках копья. Когда мы с товарками были здесь в последний раз, на воротах стоял только сторож с парой собак.

– Ты уверена, что здесь нас ждет добрый прием, принцесса?

– Не волнуйся, Аксель, мы с ними достаточно хорошо знакомы. Кроме того, один из их старейшин – бритт, и все считают его мудрым предводителем, пусть и чужой крови. Он позаботится подыскать нам на ночь надежный кров. Но все равно, Аксель, мне кажется, здесь что-то случилось, и мне не по себе. Вот пришел еще один с копьем, а с ним свора свирепых собак.

– Кто знает, что там у саксов происходит. Возможно, стоит поискать приют на ночь в другом месте.

– Аксель, скоро стемнеет, а те копья предназначены вовсе не для нас. Кроме того, в деревне есть женщина, которую мне хотелось навестить, у нас дома никто не разбирается в снадобьях так, как она.

Аксель ждал, что жена скажет еще что-нибудь, но та снова принялась вглядываться в даль, и тогда он спросил сам:

– А зачем тебе понадобились снадобья, принцесса?

– Временами я чувствую небольшое недомогание. Знахарка может подсказать, чем его облегчить.

– Что за недомогание, принцесса? В каком месте у тебя болит?

– Ерунда. Я и подумала-то об этом только потому, что нам нужно здесь переночевать.

– Но где она прячется? Твоя боль?

– Ох... – Не оборачиваясь, она приложила руку к боку чуть пониже ребер и рассмеялась. – И говорить не о чем. Видишь ведь, она не помешала мне сюда пройти.

– Она нисколечко тебе не помешала, принцесса, это мне пришлось молить о привале.

– И я о том же, Аксель. Стало быть, беспокоиться не о чем.

– Она совсем тебе не помешала. Правда, принцесса, силы в тебе больше, чем в иной женщине вдвое тебя моложе. И все же, если здесь живет та, что сможет облегчить твою боль, разве повредит нам к ней зайти?

– И я о том же, Аксель. Я взяла с собой немного олова, чтобы обменять на снадобья.

– Кому нужны эти недомогания? У каждого они есть, и все мы избавились бы от них, будь такая возможность. Бога ради, давай пойдем к той женщине, если она сейчас здесь и те стражники дадут нам пройти.

К тому времени, как супруги перешли ров по мосту, уже почти стемнело и по обеим сторонам ворот зажглись факелы. Стражники были высокими здоровяками, но приближение Акселя с Беатрисой явно внушило им страх.

– Подожди, Аксель, – тихо сказала Беатриса. – Я пойду одна, поговорю с ними.

– Держись подальше от их копий, принцесса. Собаки с виду спокойны, но вот саксы точно могут от страха учудить какую-нибудь глупость.

– Если это они тебя испугались, старика стариком, то я им сейчас покажу, как сильно они ошибаются.

И она храбро пошла к воротам. Стражники обступили ее со всех сторон и принялись слушать, бросая на Акселя подозрительные взгляды. Потом один из них по-саксонски крикнул ему подойти поближе к факелам – наверное, чтобы убедиться, что перед ним настоящий старик, а не переодетый молодчик. Обменявшись с Беатрисой еще несколькими фразами, стражники пропустили супругов внутрь.

Аксель подивился тому, что деревня, которая с расстояния выглядела как два ровных кольца домов, теперь, когда они шагали по узким улочкам, оказалась беспорядочным лабиринтом. Конечно, свет был уже не тот, но, следуя за Беатрисой, он не мог уловить в организации поселения никакой логики или системы. Дома неожиданно вырастали прямо у них под носом, преграждая путь и вынуждая сворачивать в переулки. Кроме того, супругам приходилось идти с еще большей осторожностью, чем по дорогам за пределами изгороди: не только потому, что земля была вся в рытвинах и покрыта лужами после недавнего ливня, но и потому, что саксы считали вполне приемлемым бросать посреди дороги все что ни попадя, даже булыжники. Но больше всего Акселя тревожил неприятный запах, который то усиливался, то слабел по мере того, как они продвигались вперед, но никогда не исчезал совсем. Как и все люди в те времена, он легко мирился с запахом экскрементов, как людских, так и животных, но преследовавшая супругов вонь была гораздо противнее. Вскоре он определил ее источник: по всей деревне, перед домами или на обочинах, местные жители навалили горы гниющего мяса – в качестве жертвоприношений разнообразным богам. В какой-то миг Аксель, поразившись особенно сильной волне смрада, повернулся и увидел свисавший с навеса одной из крыш темный предмет, чья форма изменилась у него на глазах, когда слетели облепившие его мухи. Мгновение спустя им повстречалась свинья, которую тащила за уши ватага ребятишек, собаки, коровы и ослы бродили повсюду без всякого присмотра. Немногие встреченные ими жители смотрели на них молча или же быстро исчезали за дверьми и ставнями.

– Сегодня вечером здесь творится что-то странное, – прошептала на ходу Беатриса. – Обычно в такое время они сидят у себя перед домами или, может,

собираются кружком, смеются и болтают. И за нами уже давно увязались бы дети, приставая с вопросами и решая, стоит им как-нибудь нас обозвать или напроситься в друзья. Везде такая страшная тишина, и мне от этого не по себе.

– Мы заблудились, принцесса, или все еще идем к тому месту, где нам дадут кров?

– Я думала сначала зайти к той женщине за снадобьями. Но раз тут такие дела, наверное, лучше сразу пойти в общинный дом, чтобы не нажить неприятностей.

– Мы далеко от дома знахарки?

– Если я правильно помню, то уже совсем близко.

– Тогда давай посмотрим, там ли она. Даже если в твоей боли нет ничего страшного, как мы уже поняли, все равно нет смысла ее терпеть, раз от нее можно избавиться.

– С этим можно подождать до утра, Аксель. Я и боли-то не замечаю, пока мы не начинаем о ней говорить.

– Пусть так, принцесса, но мы уже здесь, так почему бы не зайти к той мудрой женщине?

– Давай так и сделаем, если ты настаиваешь, Аксель. Хотя я с радостью оставила бы это на утро или даже до следующего раза, когда мне доведется пройти через это место.

Продолжая разговор, супруги повернули за угол и оказались на деревенской площади. В центре пылал костер, и вокруг него, в свете огня, собралась большая толпа. Тут были саксы всех возрастов, даже крошечные детишки на руках у родителей, и Акселю было подумалось, что они забрели на какой-то языческий обряд. Но, когда они остановились, чтобы рассмотреть открывшуюся им сцену, он увидел, что внимание толпы не обращено ни на что конкретное. Лица людей были мрачными, чуть ли не испуганными. Говорили все приглушенными голосами, и в воздухе стоял беспокойный ропот. Акселя с Беатрисой облаяла собака, которую тут же отогнали темные фигуры. Те немногие из толпы, кто

заметил пришлых, безучастно смотрели в их сторону и тут же теряли к ним интерес.

– Кто знает, что за беда у них стряслась, Аксель. Я бы ушла отсюда подальше, но дом знахарки где-то близко. Давай посмотрим, получится ли у меня его отыскать.

Направившись к ряду хижин справа, супруги увидели, что в тени скрывалось еще больше народу, молча наблюдавшего за толпой у костра. Беатриса остановилась и заговорила с какой-то женщиной, стоявшей перед дверью своего дома, и Аксель через какое-то время понял, что это и есть та самая знахарка. В темноте ему не удалось толком ее рассмотреть, но он заметил, что женщина эта высокая, с прямой осанкой, вероятно, средних лет, с наброшенной на плечи шалью, в которую она зябко куталась. Женщина с Беатрисой продолжали тихо беседовать, поглядывая то на толпу, то на Акселя. Наконец знахарка знаком пригласила их войти в хижину, но Беатриса, подойдя к мужу, тихо сказала:

– Позволь мне поговорить с ней наедине, Аксель. Помоги снять поклажу и подожди здесь.

– Нельзя ли мне пойти с тобой, принцесса, хотя я и вряд ли пойму саксонский язык?

– Это женские дела, муж. Позволь мне поговорить с ней наедине, она обещает тщательно осмотреть мое старое тело.

– Прости, принцесса, я не подумал. Давай твою котомку, я подожду здесь, если тебе так хочется.

Когда обе женщины ушли в дом, Аксель почувствовал ужасную усталость, особенно в плечах и ногах. Сняв собственную поклажу, он прислонился спиной к стене из дерна и принялся глядеть на толпу. Вокруг нарастало беспокойство: одни люди выходили из окружавшей его тьмы и вливались в толпу, а другие, напротив, спешили прочь от огня и тут же возвращались. Пламя выхватывало из мрака отдельные лица, оставляя другие в тени, но постепенно Аксель пришел к заключению, что все эти люди ждут, и довольно нетерпеливо, когда кто-то или что-то появится из бревенчатой постройки слева от костра. Должно быть, внутри здания, судя по всему, служившего саксам местом для собраний, горел

собственный костер, потому что за окнами попеременно то вспыхивал свет, то воцарялась тьма.

Аксель уже почти задремал, прислонившись спиной к стене, из-за которой доносились приглушенные голоса Беатрисы и знахарки, когда толпа вдруг всколыхнулась, дружно охнув. Из бревенчатой постройки вышли несколько мужчин и направились к костру. Толпа расступилась перед ними и затихла, словно в ожидании объявления, но объявления не последовало, и постепенно люди сгрудились вокруг вновь прибывших, и снова поднялся гул голосов. Аксель заметил, что почти все внимание толпы досталось тому, кто вышел из здания последним. На вид ему было не больше тридцати, но в нем чувствовалась прирожденная властность. Хотя одет он был скромно, как простой крестьянин, ни на кого из деревни он похож не был. И дело было не только в том, как он закинул край плаща через плечо, открывая взглядам ремень с притороченной к нему рукоятью меча. И не в том, что его волосы были длиннее, чем у кого бы то ни было из местных жителей, – они свисали почти до плеч, и он подвязал несколько прядей тонким ремешком, чтобы те не падали ему на глаза. Собственно, Акселю даже пришло в голову, что этот человек подвязал волосы, чтобы они не падали ему на глаза во время битвы. Эта мысль пришла к нему сама собой и ошарашила его только по размышлении, потому что это было скорее похоже на узнавание. Более того, когда незнакомец, широкими шагами направившись в гущу толпы, позволил руке соскользнуть на рукоять меча, Аксель почти физически ощутил особую смесь спокойствия, возбуждения и страха, которую могло вызвать такое движение. Пообещав себе вернуться к этим странным ощущениям когда-нибудь потом, он выбросил их из головы и сосредоточился на разворачивавшемся перед ним действии. Мужчину отличали от окружающих прежде всего осанка и то, как он двигался и держал себя. «Как бы он ни старался выдать себя за обычного сакса, – подумал Аксель, – этот человек – воин. И, вероятно, из тех, кто способен устроить великое разорение, будь на то его воля».

Двое других мужчин, вышедших из постройки, нервно топтались у него за спиной, и всякий раз, когда воин делал очередной рывок вглубь толпы, изо всех сил старались от него не отстать, словно дети от матери. Эти двое, оба совсем юные, тоже были подпоясаны мечами, в дополнение к которым каждый сжимал копье, хотя очевидно было, что они совершенно непривычны к такому оружию. Более того, они были скованы страхом и, казалось, не способны отвечать на слова ободрения, с которыми к ним обращались односельчане. Люди похлопывали их по спинам или потряхивали за плечи, а они в панике шныряли глазами по сторонам.

– Длинноволосый здесь чужак и пришел только на час или два раньше нас, – слышался голос Беатрисы у него над ухом. – Он сакс, но из дальних земель. Из болотного края на востоке, где, как он уверяет, он недавно сражался с морскими разбойниками[3 - Морскими разбойниками называли также норманнов (то же, что викинги)].

Аксель уже заметил, что женские голоса зазвучали разборчивей, и, повернувшись, увидел, что Беатриса с хозяйкой вышли из дома и стоят у двери прямо у него за спиной. Знахарка что-то тихо говорила, и, дослушав, Беатриса сказала ему на ухо:

– Если я правильно поняла, сегодня один из местных жителей вернулся домой едва живой и с раной в плече и, когда его привели в чувство, рассказал, что они с братом и племянником, мальчиком двенадцати лет от роду, рыбачили на реке в обычном прикормленном месте, и на них напали два огра. Только вот, по словам раненого, это были не обычные огры. Они были ужаснее, проворнее и коварнее любого огра, какого ему прежде доводилось видеть. Демоны – именно так они их тут называют, – демоны убили его брата на месте, а мальчика, который был еще жив и пытался вырваться, утащили с собой. Самому раненому удалось спастись, хотя они долго преследовали его по тропе вдоль речного берега, поганые твари так и дышали ему в спину, но в конце концов ему удалось от них оторваться. Вон там, Аксель, это он, с лубком на руке, разговаривает с чужестранцем. Несмотря на рану, он так тревожился за племянника, что собрал отряд из самых сильных мужей деревни и повел их обратно на то место, и там они увидели дым от костра на берегу, но, когда подбирались к нему с оружием наизготовку, кусты раздвинулись, и те же два чудовища поймали их в западню. Знахарка говорит, что никто и подумать не успел броситься наутек, как трое уже погибли, и, хотя остальные и вернулись невредимыми, большинство из них сейчас мечутся в бреду у себя в постелях, и их потрясение столь велико, что они не в силах выйти и пожелать удачи храбрецам, которые отважились на вылазку в час, когда сгущается мрак и наползает хмарь, и готовы совершить то, что не удалось двенадцати крепким мужам при свете дня.

– А они уверены, что мальчик еще жив?

– Они ни в чем не уверены, но все равно пойдут к реке. После того как первый отряд вернулся, охваченный ужасом, как ни убеждали старейшины, в деревне не нашлось ни единого мужа, у которого достало бы храбрости на повторную

вылазку. Но потом волею случая объявился этот чужестранец – его лошадь повредила копыто, и он искал здесь ночлега. И хотя до сего дня он и знать не знал ни мальчика, ни его семью, он вызвался помочь деревне. Те двое, что идут с ним, дядья того мальчика, но, по-моему, они скорее помешают воину, чем помогут. Посмотри, Аксель, им же дурно от страха.

– Отлично вижу, принцесса. Но все-таки они храбрецы, раз решились на вылазку, несмотря на свой великий страх. Неудачный вечер мы выбрали, чтобы искать здесь гостеприимства. Здесь и так уже кого-то оплакивают, а до исхода ночи слез может прибавиться.

Судя по всему, знахарка поняла часть сказанного Акселем, потому что снова заговорила на своем языке, и Беатриса перевела:

– Она говорит, чтобы мы шли прямо к общинному дому и не показывались на улице до утра. Говорит, что если станем бродить по деревне, то никто не поручится, что сегодня ночью нам окажут теплый прием.

– Я думаю точно так же, принцесса. Давай же последуем совету этой доброй женщины, если ты еще помнишь дорогу.

Но тут люди вдруг зашумели, шум превратился в приветствия, и толпа снова всколыхнулась, словно пытаясь изменить форму. Потом она двинулась с места, окружив воина и двоих его товарищей. Раздалось тихое скандирование, которое вскоре подхватили стоявшие зрители в тени, включая и знахарку. Процессия направлялась в сторону супругов, и, хотя свет костра остался позади, несколько факелов двигались вместе с ней, и перед Акселем мелькали лица, то напуганные, то возбужденные. Каждый раз, когда факел освещал воина, тот оставался спокоен, переводя взгляд из стороны в сторону и принимая добрые напутствия, а рука его лежала на рукояти меча. Смельчаки прошли мимо Акселя с Беатрисой и скрылись между рядами хижин, хотя приглушенное скандирование слышалось еще довольно долго.

Какое-то время ни Аксель, ни Беатриса не двигались с места, вероятно, подавленные общим настроением. Потом Беатриса начала выпрашивать у знахарки, как лучше пройти к общинному дому, и Акселю показалось, что женщины скоро принялись обсуждать дорогу к какому-то совершенно иному месту, потому что они указывали и махали руками в сторону гор за деревней.

На деревню опустилась тишина, и тогда супруги отправились-таки искать ночлег. Находить дорогу в темноте стало еще сложнее, и редкие факелы, горевшие на углах улиц, своими тенями словно еще больше все запутывали. Они шли в направлении, противоположном тому, в котором ушла толпа, и попадавшиеся на пути дома были темными, без видимых признаков жизни.

– Иди помедленнее, принцесса, – тихо сказал Аксель. – Если кто-то из нас здесь упадет, не думаю, чтобы хоть одна душа вышла на помощь.

– Аксель, мне кажется, мы снова сбились с дороги. Давай вернемся к последнему повороту, и тогда я точно ее найду.

Со временем тропа выпрямилась, и супруги обнаружили, что идут вдоль внешней изгороди, которую видели с холма. Заостренные колья нависали над ними черными силуэтами на фоне ночного неба, и через некоторое время Аксель услышал откуда-то сверху бормочущие голоса. А потом увидел, что они уже не одни: высоко на укреплениях через равные промежутки виднелись фигуры, оказавшиеся людьми, которые вглядываются в черную пустоту за изгородью. Аксель едва успел поделиться этим наблюдением с Беатрисой, как у них за спиной послышался нарастающий шум шагов. Супруги прибавили ходу, но теперь к топоту добавился плывущий в темноте факел и заметавшиеся, обгоняя их, тени. Сначала Аксель решил, что они наткнулись на группу деревенских жителей, шедших в противоположном направлении, но потом понял, что они с Беатрисой оказались в окружении. Супругов тесно обступили саксонские мужчины разного возраста и телосложения, одни с копьями, другие с мотыгами, серпами или другими подобными инструментами. Их окликнуло несколько голосов разом, и людей все прибывало. Аксель почувствовал, как в лицо ему ударил жар факелов, и, прижав к себе Беатрису, попытался высмотреть в толпе предводителя, но никого похожего не нашел. Более того, все лица были искажены ужасом, и ему стало ясно, что любое неловкое движение приведет к катастрофе. Аксель оттащил Беатрису от молодого парня с особенно безумным взглядом, потрясавшего в воздухе ножом, и стал рыться в памяти в поисках какой-нибудь фразы на саксонском. Ничего не обнаружив, он ограничился успокаивающими звуками, какими обычно усмирлял непокорную лошадь.

– Перестань, Аксель, – прошептала Беатриса. – Нечего петь им колыбельные, они за это спасибо не скажут.

Она обратилась по-саксонски к одному из мужчин, потом к другому, но их настроения это не улучшило. Вокруг закипала возбужденная перепалка, и чья-то собака, натянув поводок, пролезла в передний ряд и зарычала на них.

Потом окружившие супругов напряженные фигуры вдруг обмякли. Голоса постепенно затихли, пока не остался лишь один, сердито кричавший что-то, пока еще где-то в отдалении. Голос приблизился, и толпа расступилась, пропуская коренастого, безобразного человека, который прошаркал на свет, опираясь на посох.

Человек был довольно стар. Спина его была почти прямой, но шея и голова выдавались из плеч под совершенно нелепым углом. Тем не менее все присутствующие с готовностью признали его власть – собака и та перестала лаять и скрылась в темноте. Как бы плохо ни было у Акселя с саксонским, он понял, что ярость безобразного старца только отчасти относится к дурному обращению жителей деревни с чужестранцами: выволочка досталась им за то, что они покинули свои сторожевые посты, и на лицах, подсвеченных факелами, отразилось уныние, смешанное с замешательством. Голос старца брал все новые высоты гнева, и собравшиеся, словно медленно припоминая что-то, один за другим стали возвращаться в ночную тьму. Но даже когда исчез последний, оставив в темноте лишь стук ног по приставным лестницам, безобразный старец продолжал изливать вслед ушедшим оскорбительную брань.

Наконец он повернулся к Акселю и Беатрисе и, перейдя на их язык, произнес без тени акцента:

– Как можно позабыть даже это, ведь они только что провожали воина с двумя их собственными сородичами на подвиг, на который ни у одного из них не хватило мужества? Это стыд так укорачивает им память или просто страх?

– Айвор, они напуганы до смерти. Упади рядом с ними паук, они принялись бы рвать друг друга в клочья. Ну и жалкий же отряд выставили вы нам навстречу.

– Примите мои извинения, госпожа Беатриса. И вы тоже, сэра. В обычный день вам был бы оказан совсем другой прием, но вы же видите, что прибыли в ночь, полную ужаса.

– Мы потеряли дорогу к общинному дому, Айвор. Если бы вы нам ее показали, мы были бы премного вам обязаны. После такой встречи нам с мужем не терпится оказаться под кровом и отдохнуть.

– Мне бы хотелось пообещать вам теплый прием в общинном доме, друзья мои, но сегодня ночью невозможно предугадать, что взбредет в голову моим соседям. Будет проще, если вы с мужем согласитесь провести ночь под моим собственным кровом, где, я уверен, вас не побеспокоят.

– Мы с радостью примем ваше гостеприимство, сэр, – вступил в разговор Аксель. – Нам с женой очень нужен отдых.

– Тогда, друзья мои, следуйте за мной. Пока мы идем, держитесь поближе ко мне и говорите потише.

Супруги шли в темноте за Айвором, пока не оказались у дома, который, хоть формой и напоминал остальные, был больше и стоял особняком. Когда они вошли под низкую арку, внутри оказалось полно густого дыма, который, хотя у Акселя и сперло от него в груди, пахну`л теплом и гостеприимством. В середине комнаты тлел очаг, окруженный ткаными коврами, звериными шкурами и мебелью из дуба и ясеня. Пока Аксель вытаскивал из котомок одеяла, Беатриса с благодарностью опустилась на низкий стул со спинкой и подлокотниками. Айвор же остался стоять у порога с озабоченным выражением на лице.

– Прием, который вам был только что оказан... мне стыдно думать о нем.

– Пожалуйста, не думайте об этом больше, сэр, – ответил Аксель. – Вы проявили к нам больше внимания, чем мы того заслуживаем. Мы только что видели, как отважные храбрецы отправились на опасную вылазку. Поэтому нам понятно, в каком ужасе пребывают жители деревни, и мы не удивляемся, что некоторые ведут себя глупо.

– Если вы, чужестранцы, так хорошо помните наши собственные беды, как может быть, чтобы эти глупцы успели их позабыть? Им объяснили так, что и ребенок бы понял: любой ценой удерживать свои позиции на изгороди, от этого зависит безопасность всех жителей, не говоря уже о необходимости помочь нашим героям, если те окажутся у ворот с чудовищами, преследующими их по пятам. И что же делают эти глупцы? Стоит пройти мимо двум чужестранцам, как

они начисто забывают приказ и то, зачем он был отдан, и кидаются на вас, как взбесившиеся волки. Я бы сам себе не поверил, да только эта странная забывчивость стала часто здесь случаться.

– В наших краях то же самое, сэр. Мы с женой много раз видели подобную забывчивость среди собственных соседей.

– Интересная новость, сэр. А я-то боялся, что эта напасть поразила только наши земли. И не потому ли, что я стар или что я бритт, живущий среди саксов, меня часто оставляют в покое, позволяя держаться за какое-то воспоминание, а все окружающие дают ему исчезнуть?

– Мы заметили то же самое, сэр. Мы и сами немало страдаем от хмари – так мы с женой стали ее называть, – но все же не так сильно, как те, что помоложе. Нет ли у вас объяснения этому, сэр?

– Я слышал много домыслов об этом, друг мой, в основном – саксонские суеверия. Но прошлой зимой к нам забрел один странник и кое-что рассказал, и чем больше я думаю о его словах, тем больше доверия они у меня вызывают. Так, а это что такое? – Айвор, который так и стоял у двери с посохом в руке, развернулся с удивительной резвостью для такого кряжистого человека. – Простите своего хозяина, друзья мои. Возможно, это вернулись наши храбрецы. Будет лучше, если вы останетесь здесь и не станете никому показываться.

После его ухода Аксель с Беатрисой какое-то время сидели в креслах молча, закрыв глаза, исполненные благодарности за возможность отдохнуть. Потом Беатриса тихо спросила:

– Аксель, как ты думаешь, что Айвор собирался сказать?

– О чем, принцесса?

– Он говорил о хмари и о том, в чем ее причина.

– Просто хотел поделиться случайным слухом. Но мы обязательно попросим его договорить. Этот человек достоин восхищения. Он всегда жил среди саксов?

– Мне говорили, что всегда, с тех пор как когда-то давно женился на саксонке. Никогда не слышала, что с ней случилось. Аксель, разве не прекрасно узнать причину хмари?

– Конечно, прекрасно, но не знаю, какая будет от того польза.

– Аксель, как ты можешь так говорить? Как ты можешь говорить такие бессердечные вещи?

– Да что такое, принцесса? В чем дело? – Аксель выпрямился в кресле и посмотрел на жену. – Я только хотел сказать, что от того, что мы узнаем ее причину, она никуда не денется, ни здесь, ни в наших краях.

– Если есть хоть малая надежда понять, что эта хмарь собой представляет, это может нам очень помочь. Как ты можешь говорить об этом с таким безразличием?

– Прости, принцесса, я не хотел. Мои мысли были заняты другими вещами.

– Как ты можешь думать о других вещах, когда еще и дня не прошло с тех пор, как мы услышали рассказ лодочника?

– Под другими вещами, принцесса, я имел в виду, вернулись ли те смельчаки обратно и невредим ли ребенок. Или – нападут ли сегодня на эту деревню, где дозорные перепуганы, а ворота держатся на честном слове, чудовищные демоны, жаждущие мести за неожиданно оказанное им внимание. Мне хватает, о чем размышлять, кроме хмари и суеверных рассказов лодочников.

– Незачем грубить, Аксель. Я вовсе не хочу ссориться.

– Прости, принцесса. Наверное, это здешний дух так на меня повлиял.

Но Беатриса была готова расплакаться.

– Незачем грубить, – бормотала она, словно самой себе.

Аксель встал, подошел к креслу-качалке и, слегка нагнувшись, прижал жену к груди.

– Прости, принцесса. Мы обязательно поговорим с Айвором про хмарь до того, как уйдем отсюда.

Через минуту, в течение которой они продолжали обнимать друг друга, он произнес:

– Сказать по правде, принцесса, мне сейчас не дает покоя одна вещь.

– И что же это, Аксель?

– Мне хочется знать, что сказала знахарка про твою боль.

– Она сказала, что это всего лишь то, что обычно приходит с годами.

– И я так говорил, принцесса. Разве я не уверял тебя, что беспокоиться не о чем?

– Это не я беспокоилась, муж мой. Это ты настаивал, чтобы мы сегодня зашли к знахарке.

– Так мы и сделали, и теперь нам уж точно не нужно волноваться о твоей боли.

Беатриса мягко высвободилась из объятий мужа, и ее кресло плавно качнулось назад.

– Аксель, знахарка упомянула одного старого монаха, мудрее ее самой. Этого монаха зовут Джонас, и он помог многим в этой деревне. Его монастырь в дне пути отсюда, на восток по горной дороге.

– На восток по горной дороге, – Аксель добрал до двери, которую Айвор оставил приоткрытой, и выглянул в темноту. – Сдается мне, принцесса, завтра мы можем с таким же успехом пойти по верхней дороге, как и по той, что идет через лес.

– Это трудная дорога, Аксель. Придется много карабкаться в гору. Это удлинит наш путь по меньшей мере на целый день, а сын ждет нас с таким нетерпением.

– Что правда, то правда. Но раз уж мы зашли так далеко, будет жаль не повидать мудрого монаха.

– Знахарка сказала о нем только потому, что подумала, будто мы направляемся в ту сторону. Я сказала ей, что до деревни сына легче дойти нижней дорогой, и она сама согласилась, что вряд ли стоит терять время, раз меня не беспокоит ничего, кроме болей, обычных для моего возраста.

Аксель продолжал смотреть в темноту сквозь дверной проем.

– Пусть даже так, принцесса, у нас еще есть время все обдумать. Вот Айвор возвращается, и довольным его не назовешь.

Айвор, тяжело дыша, широким шагом вошел в дом и уселся в широкое кресло, щедро устеленное шкурами, со стуком уронив посох себе под ноги.

– Один молодой придурок поклялся, что видел, как на ограду влезло чудовище и теперь на нас оттуда глазеет. Беспокойство великое, что говорить, и мне остается только собрать отряд, чтобы отправиться туда и посмотреть, правда ли это. Разумеется, ничего там нет, кроме ночного неба, куда придурок и тычет, продолжая твердить, что на нас смотрит чудовище, и все остальные с мотыгами да копьями трясутся у меня за спиной, как дети малые. Потом придурок признается, что уснул на посту и чудовище ему приснилось, и что же, дозорные спешат обратно на позиции? Нет, дозорные в таком ужасе, что мне приходится пригрозить им, что я буду их колошматить, пока собственные родичи не примут их за бараньи туши. – Айвор огляделся, все еще тяжело дыша. – Друзья, простите нерадивого хозяина. Я буду спать во внутренней комнате, если мне вообще сегодня доведется вздремнуть, так что располагайтесь здесь, как вам удобно, хотя особой роскоши предложить не могу.

– Напротив, сэр, – возразил Аксель, – вы предложили нам чудесный ночлег, за что мы вам очень благодарны. Мне жаль, что вас позвали по такому нерадостному поводу.

– Нам придется подождать, возможно, всю ночь, да и утро тоже. Куда вы держите путь, друзья мои?

– Завтра мы пойдем на восток, сэ, в деревню сына, где он с нетерпением нас дожидается. Но в этом вы можете нам помочь, потому что мы с женой только что спорили, какая дорога лучше. Мы слышали, что дальше по горной дороге в монастыре живет мудрый монах по имени Джонас, который может дать нам кое-какой совет.

– Джонаса премного почитают, хотя я никогда не встречал его сам. Конечно, идите к нему, но должен предупредить, что дорога до монастыря не из легких. Большую часть дня вам придется взбираться по крутой тропе. А когда тропа станет пологой, нужно будет идти осторожно, чтобы не сбиться с пути, потому что там начинаются владения Квериг.

– Квериг, драконихи? Давно ничего о ней не слыхивал. В ваших краях ее по-прежнему боятся?

– Теперь она редко спускается с гор. Хотя иной раз и балует, нападая на проезжающих путников, похоже, на нее частенько сваливают проделки диких зверей и разбойников. Сдается мне, угроза Квериг исходит не от ее действий, а от того, что ее присутствие нескончаемо. Пока она разгуливает на свободе, на нашей земле не устает плодиться всякая нечисть не хуже чумы. Взять вот этих демонов, нашу сегодняшнюю напасть. Откуда они взялись? Это не обычные огры. Раньше никто здесь таких не видел. Зачем они пришли и встали лагерем на нашем берегу? Может, Квериг и редко показывается на глаза, но от нее берут начало многие темные силы, и это позор, что за все эти годы ее так никто и не убил.

– Но, Айвор, – возразила Беатриса, – кто же решится бросить вызов такому чудовищу? По всем рассказам, Квериг очень свирепа и прячется в труднодоступном месте.

– Вы правы, госпожа Беатриса, дело это страшное. Так получилось, что здесь бывает один старый рыцарь, современник Артура⁴ - Имеется в виду король Артур, по легенде – вождь бриттов в V-VI вв. н.э., разгромивший завоевателей-саксов, центральный герой британского эпоса и рыцарских романов.), которому много лет назад тот великий король поручил убить Квериг. Если вы пойдете

горной дорогой, он может вам повстречаться. Его нелегко пропустить: одет он в ржавую кольчугу и ездит верхом на изнуренном скакуне, и всем и каждому готов возвестить о своем священном долге, хотя, как по мне, на драконику старому дураку всегда было глубоко наплевать. Пока мы дождемся того дня, когда он исполнит свой долг, мы все превратимся в дряхлых стариков. Конечно, друзья мои, ступайте в монастырь, но будьте осторожны и постарайтесь до наступления темноты добраться до надежного убежища.

Айвор направился было во внутреннюю комнату, но Беатриса тут же выпрямилась в кресле со словами:

– Айвор, вы недавно упомянули про хмарь. Якобы вы слышали что-то о ее причине, но потом вас позвали, и вы не успели договорить. Нам не терпится услышать, что вы об этом скажете.

– А, хмарь. Хорошее название. Кто знает, насколько правдивы слухи, госпожа Беатриса? Полагаю, я говорил о чужестранце, который проходил через наши края в прошлом году и нашел здесь пристанище. Он был с болот, как и наш сегодняшний храбрый гость, но его диалект было довольно трудно понять. Я предложил ему ночлег в этом убогом доме, как и вам, и мы весь вечер проговорили о разных вещах, в том числе и о хмари, как вы удачно ее назвали. Наш странный недуг сильно его заинтересовал, и он долго о нем расспрашивал. А потом сделал замечание, на которое я тогда не обратил внимания, но над которым потом много размышлял. Чужестранец предположил, что, возможно, Господь сам забывает о нашем прошлом, что о давних событиях, что о тех, которые случились вот только что. А если чего-то нет в памяти Божьей, как может оно остаться в памяти смертных?

Беатриса уставилась на него:

– Разве такое возможно, Айвор? Ведь каждый из нас – дорогое божье дитя. Разве мог бы Господь позабыть деяния наши и то, что с нами случилось?

– Я задал тот же вопрос, госпожа Беатриса, и чужестранец не смог на него ответить. Но с тех пор я все больше думаю о его словах. Наверное, для так называемой хмари это объяснение ничуть не хуже других. А теперь простите меня, друзья, мне нужно хоть чуть-чуть отдохнуть, пока есть время.

* * *

Аксель почувствовал, что Беатриса трясет его за плечо. Он и понятия не имел, как долго они проспали: было еще темно, но снаружи доносился шум, и где-то над ним прозвучал голос Айвора: «Давайте молиться, что это хорошие новости, а не наша гибель». Однако когда Аксель сел, их хозяин уже ушел, а Беатриса сказала:

– Быстрее, Аксель, пойдём посмотрим, чего нам ждать.

Осоловевший от сна, Аксель взял жену под руку, и они вместе, спотыкаясь, побрели в ночь. На этот раз повсюду горело множество факелов, некоторые из них светили с укреплений, и видеть дорогу стало намного проще. Везде сновали люди, лаяли собаки и плакали дети. Потом вокруг образовался некий порядок, и Аксель с Беатрисой обнаружили, что влились в толпу, спешившую в одном направлении. Внезапно все остановилось, и Аксель с удивлением увидел, что они уже вышли на центральную площадь, – очевидно, от дома Айвора туда можно было дойти по прямой, а не петляя, как они шли в прошлый раз. Костер пылал во всю силу, настолько ярко, что Аксель уже подумал было, что жителей заставил остановиться жар от огня. Но, взглянув поверх голов, он увидел вернувшегося воина. Тот совершенно спокойно стоял слева от костра, ярко освещавшего его фигуру с одной стороны, с другой она скрывалась в тени. Освещенная половина его лица была чем-то забрызгана, и Аксель признал крошечные пятнышки крови, словно воин только что прошелся под кровавой каплей. Длинные волосы, по-прежнему перехваченные шнурком, растрепались и словно намокли. Одежда была заляпана грязью, а может, и кровью, а плащ, который он, уходя, небрежно перекинул через плечо, в нескольких местах порвался. Но сам воин выглядел невредимым и тихо разговаривал с тремя старейшинами деревни, среди которых был и Айвор. Еще Аксель увидел, что воин держит в согнутой руке какой-то предмет.

Тем временем толпа начала скандировать, сначала тихо, потом с нарастающей силой, пока воин наконец не обратил на нее внимание. В его манере держаться не было пустого бахвальства. И когда он обратился к толпе, его голос, достаточно громкий, чтобы всем было слышно, произвел впечатление тихого и задумчивого, каким и пристало говорить о серьезных вещах.

Слушатели притихли, чтобы не пропустить ни слова, и вскоре принялись ахать – то от одобрения, то от ужаса. В какой-то миг воин указал куда-то себе за спину,

и Аксель впервые заметил на земле у самой кромки светового пятна двух человек, ходивших на вылазку вместе с ним. Выглядели они так, словно свалились с большой высоты и от чрезмерного потрясения не могли подняться. Толпа начала было скандировать нечто специально для них, но сидевшие на земле не обратили на это внимания, продолжая пялиться в пустоту.

Потом воин повернулся обратно к толпе и сказал что-то такое, отчего скандирование стихло. Он шагнул ближе к огню и, схватив свою ношу, на вытянутой руке поднял ее в воздух.

Аксель увидел нечто, похожее на голову толстошей твари, отрезанную точно под горло. Свисавшие с макушки завитки темных волос обрамляли устрашающе безликое лицо: на месте глаз, носа и рта была только бугорчатая плоть, точно гусиная кожа, с несколькими пучками пушковых волос на щеках. Толпа зароптала, и Аксель почувствовал, как зрители отшатнулись. Только тогда он понял, что они смотрят вовсе не на голову, а на обрубок плеча с лопаткой, принадлежавший какому-то невероятно огромному человекообразному созданию. На самом деле воин держал свой трофей за культу ближе к бицепсу, плечом вверх, и тут Аксель понял, что нечто, принятое им за пряди волос, было ошметками жил, свисавшими из обрубка в том месте, где он был отделен от тела.

Воин не стал держать трофей долго, опустил его вниз и бросил себе под ноги, словно останки чудовища были настолько презренны, что не стоили дальнейшего внимания. Толпа снова отпрянула, и снова подалась вперед, и снова принялась скандировать. Но на этот раз хор голосов заглох почти сразу, потому что воин продолжил речь, и, хотя Аксель ничего не мог в ней понять, он хорошо чувствовал окружавшее его нервное возбуждение. Беатриса сказала мужу на ухо:

– Наш герой убил обоих чудовищ. Одно, смертельно раненное, уползло в лес, и эта ночь станет для него последней. Второе приняло бой, и за его грехи воин отрубил от него то, что лежит на земле. То, что осталось от демона, уползло к озеру, чтобы заглушить боль, и утонуло в черных водах. Ребенок, Аксель, ты видишь ребенка?

Там, куда едва достигал свет костра, кучка женщин суежилась вокруг усаженного на камень худого темноволосого подростка. Ростом он был почти со взрослого мужчину, но чувствовалось, что под одеялом, в которое его завернули,

еще скрывалась мальчишеская долговязость. Одна из женщин принесла ведро с водой и теперь смывала с лица и шеи мальчика въевшуюся грязь, но тот словно ничего не замечал. Его остановившийся взгляд упирался в спину стоявшего перед ним воина, и время от времени он наклонял голову набок, словно стараясь разглядеть за ногами воина лежавшие на земле останки.

Акселя удивило, что вид спасенного ребенка, живого и, судя по всему, практически невредимого, вызвал в нем не облегчение или радость, а смутное беспокойство. Поначалу он решил, что причина была в его странной манере держаться, но потом понял, в чем именно дело: что-то не ладилось с тем, как этого мальчика, чья безопасность еще недавно была основным поводом для тревоги у местных жителей, приняли обратно. Прием был сдержанным, почти холодным – это напомнило Акселю происшествие с малышкой Мартой в его собственной деревне, и он спросил себя, не могло так получиться, что и этого подростка, подобно Марте, уже начали забывать. Но об этом здесь точно не могло быть и речи. Люди продолжали указывать на мальчика, и женщины, которые его обихаживали, бросали в ответ настороженные взгляды.

– Я не могу уловить, что они говорят, Аксель, – сказала Беатриса ему на ухо. – Какая-то ссора из-за ребенка, хотя это великая милость, что его вернули обратно живым и невредимым, и после всего, что видели его юные глаза, он на удивление спокоен.

Воин продолжал обращаться к толпе, в его голосе уже звучала настойчивость. Он словно в чем-то ее обвинял, и Аксель почувствовал, что настроение собравшихся меняется. Благоговение и благодарность начали уступать место какому-то иному чувству, и в нарастающем гуле голосов слышались замешательство и даже страх. Воин заговорил снова, суровым голосом, указывая на мальчика у себя за спиной. Потом в круг света от костра вышел Айвор и, встав рядом с воином, сказал что-то, отчего часть слушателей разразилась откровенно протестующим ропотом. За спиной у Акселя кто-то закричал, и повсюду разгорелись перепалки. Айвор заговорил громче, и на миг наступила тишина, но крики почти тут же возобновились, в тени началась давка.

– О, Аксель, давай уйдем отсюда поскорее! – прокричала Беатриса ему в ухо. – Здесь нам не место.

Аксель обнял жену за плечи, и они начали проталкиваться сквозь толпу, но что-то заставило его еще раз оглянуться. Мальчик сидел в той же позе, со взглядом,

по-прежнему прикованным к спине воина, и словно не замечал начавшейся перед ним сутолоки. Но женщина, которая за ним ухаживала, отступила в сторону и теперь переводила неуверенный взгляд с мальчика на толпу. Беатриса потянула мужа за руку.

- Аксель, пожалуйста, уведи меня отсюда. Боюсь, нам не поздоровится.

Должно быть, на площади собралась вся деревня, потому что по пути обратно к жилищу Айвора супруги никого не встретили. Только завидев знакомый дом, Аксель поинтересовался:

- О чем там сейчас говорили, принцесса?

- Даже не знаю, Аксель. Слишком много всего сразу для моего слабого разума. Началась ссора из-за спасенного мальчика, и все разъярились. Хорошо, что мы уже далеко оттуда, а что случилось, узнаем в свое время.

* * *

Когда наутро Аксель проснулся, комната была пронизана солнечными лучами. Он лежал на полу, но спать ему выпало на постели из мягких ковров под теплыми одеялами – это сооружение было намного роскошнее того, к которому он привык, – и его руки и ноги хорошо отдохнули. Более того, он был в хорошем настроении, потому что проснулся с оставшимся в голове приятным воспоминанием.

Беатриса заворочалась у него под боком, но глаза ее остались закрыты, и дыхание не нарушилось. Аксель смотрел на жену, как часто любил делать в такие мгновения, ожидая, чтобы грудь его наполнила нежная радость. Она вскоре пришла, как он и ожидал, но на этот раз к ней примешивалась легкая печаль. Удивившись странному ощущению, он осторожно провел рукой по плечу жены, словно этот жест мог разогнать набежавшую тень.

Снаружи доносился шум, но, в отличие от разбудившего их ночью, он возвещал, что жители принялись за обычные утренние дела. Акселю пришло в голову, что неблагоразумно им с Беатрисой так долго спать, но он все равно не стал будить жену, продолжая смотреть на нее. Наконец он осторожно встал, шагнул к

бревенчатой двери и толкнул ее, чтобы приоткрыть. Дверь – это была настоящая дверь на деревянных петлях – скрипнула, и в щель властно ворвалось солнце, но Беатриса все спала. Уже немного беспокоясь, Аксель вернулся к ее ложу и, несмотря на плохо гнущиеся колени, присел рядом на корточки. Наконец жена открыла глаза и посмотрела на него.

– Пора вставать, принцесса, – произнес Аксель, скрывая облегчение. – Деревня проснулась, и наш хозяин уже давно ушел.

– Тогда тебе следовало разбудить меня раньше, Аксель.

– Ты спала так сладко, и я подумал, что после такого длинного дня сон пойдет тебе на пользу. И я был прав, потому что сейчас ты свежа, как юная дева.

– Снова ты за свои глупости, а мы еще даже не знаем, что случилось вчера ночью. Если судить по звукам снаружи, до кровавой бойни не дошло. Там играют дети, и собаки, судя по лаю, сыты и довольны. Аксель, здесь есть вода, чтобы умыться?

Немного погодя, по возможности приведя себя в порядок и не дождавшись Айвора, супруги вышли на свежий солнечный воздух в поисках съестного. На этот раз деревня показалась Акселю гораздо доброжелательнее. Круглые хижины, в темноте казавшиеся разбросанными в пространстве, теперь выстроились ровными рядами, и похожие друг на друга тени образовывали аккуратную аллею, ведущую через всю деревню. Вокруг царила кутерьма: жители ходили туда-сюда, мужчины – с инструментами, женщины – с корытами для стирки, а за ними кучками следовала детвора. Собаки, пусть и многочисленные, выглядели смиренно. Лишь осел, удовлетворенно испражнявшийся на солнце прямо перед колодцем, напомнил Акселю, в каком диком месте он оказался накануне вечером. Когда они с Беатрисой проходили мимо местных жителей, те даже кивали им в ответ и вяло приветствовали, но заговорить с ними никто не рискнул.

Не успели супруги отойти далеко, как заметили впереди по улице две непохожие друг на друга фигуры – Айвора и воина, – которые что-то обсуждали, заговорщически сблизив головы. С приближением Акселя и Беатрисы Айвор отступил и неловко улыбнулся.

– Мне не хотелось будить вас раньше времени. Но хозяин из меня никудышный, а вы оба наверняка умираете от голода. Пойдемте, я отведу вас в старый общинный дом и прослежу, чтобы вам дали поесть. Но сначала, друзья, познакомьтесь с героем прошлой ночи. Вот увидите, мастер Вистан хорошо понимает наш язык.

Аксель повернулся к воину и склонил голову.

– Для нас с женой большая честь познакомиться с человеком, наделенным таким мужеством, щедростью и мастерством. То, что вы совершили вчера ночью, просто невероятно.

– В моих деяниях не было ничего необычного, сэр, как и в моем мастерстве, – голос воина, как и раньше, был мягким, а во взгляде таилась улыбка. – Вчера ночью мне повезло, а кроме того, мне немало помогли мои храбрые товарищи.

– Те товарищи, о которых он говорит, – вступил Айвор, – были слишком заняты, накладывая себе в штаны, чтобы вступить в бой. Этот храбрец сокрушил демонов в одиночку.

– Да ладно, сэр, хватит уже об этом, – возразил воин, обращаясь к Айвору, но тут же впился взглядом в Акселя, словно у того на лице была отметина, вызывавшая великий интерес.

– Вы хорошо владеете нашим языком, сэр, – сказал Аксель, захваченный врасплох столь пристальным вниманием.

Воин продолжал изучать лицо Акселя, но вскоре опомнился и рассмеялся.

– Простите меня, сэр. Мне на миг показалось... Но простите меня. Кровь во мне саксонская без примеси, но я вырос в краях неподалеку отсюда и часто бывал среди бриттов. Потому заодно с родным языком выучил и ваш. Теперь я от него поотвык, потому что живу далеко, в болотном крае, где услышишь много иноземной речи, но не язык бриттов. Поэтому простите мне мои ошибки.

– Вовсе нет, сэр. По вам едва скажешь, что вы – не уроженец наших мест. Более того, вчера вечером я не мог не заметить, как вы носите меч – ремень затянут

плотнее и выше по талии, чем это делают саксы, а во время ходьбы рука ваша сама ложится на рукоять. Надеюсь, вас не обидит, если я скажу, что этой манерой вы очень похожи на бритта.

Вистан снова рассмеялся.

– Мои товарищи-саксы не устают потешаться не только над моей манерой носить меч, но и над манерой им владеть. Но дело в том, что этому искусству меня обучили бритты, и я не стал бы искать лучших учителей. Оно уберегло меня от многих опасностей, вот и вчера пригодилось. Простите мою дерзость, сэра, но вы сами не здешний. Не с запада ли вы родом?

– Мы из соседних краев. Отсюда день пешего хода, не больше.

– Но, может быть, когда-то раньше вы жили дальше к западу?

– Говорю вам, сэра, я из соседних краев.

– Простите меня за невежество. Здесь, на западе, меня одолевает тоска по краю, где прошло мое детство, хотя отсюда до него еще ехать. Мне везде видятся тени полузабытых лиц. Сегодня утром вы с женой пойдете домой?

– Нет, сэра, мы пойдём на восток в деревню сына, надеемся за пару дней до нее добраться.

– Вот оно что. Значит, пойдете по дороге через лес.

– Вообще-то, сэра, мы намереваемся пойти по верхней дороге через горы, потому что там в монастыре есть мудрец, который, надеемся, удостоит нас внимания.

– Вот как? – Вистан задумчиво кивнул и еще раз пристально взглянул на Аксея. – Мне говорили, что по той дороге нужно все время карабкаться в гору.

– Мои гости еще не завтракали, – вмешался Айвор. – Простите, мастер Вистан, я провожу их к общинному дому. А потом, если будет на то ваше желание, мне бы хотелось продолжить наш разговор, – понизив голос, старейшина перешел на саксонский, и Вистан ответил ему кивком. Повернувшись к Акселю с Беатрисой,

Айвор покачал головой и мрачно произнес: – Какие бы великие подвиги ни совершил вчера этот храбрец, бедам нашим конца не видно. Пойдемте же, друзья, вы, верно, умираете от голода.

Айвор пошатывающейся походкой двинулся вперед, на каждом шагу тыча посохом в землю. Он казался слишком расстроенным, чтобы заметить, что гости не поспевают за ним в запруженных людьми переулках. В очередной раз отстав от Айвора на несколько шагов, Аксель сказал Беатрисе:

– Этот воин заслуживает восхищения, верно, принцесса?

– Без сомнения, – тихо ответила та. – Но он так странно глазел на тебя, Аксель.

Продолжать разговор времени не было, потому что Айвор, все же заметив, что рискует потерять своих гостей, остановился на углу.

Вскоре спутники вошли на залитое солнцем подворье. По нему бродили гуси, а сам двор был разделен пополам искусственным ручьем – мелким рвом, вырытым в земле, по которому бойко журчала вода. В самом широком месте ручья был устроен простой мостик из двух плоских камней, и сейчас на одном из них сидел на корточках подросток, стиравший одежду. Эта сцена поразила Акселя своей идилличностью, и он бы полюбовался ею подольше, но Айвор продолжал уверенно шагать к низкому зданию с тяжелой тростниковой крышей, длиной во все подворье, от края до края.

Если бы вы зашли внутрь, то решили бы, что зал общинного дома не особенно отличается от казенной столовой в деревенском стиле, в которую многим из вас рано или поздно доведется попасть. Все пространство занимали длинные столы со скамьями, а в одном из торцов располагались кухня и место для раздачи еды. Главное отличие от современной столовой заключалось в угнетающем количестве сена: сено было над головой, под ногами и – хотя так вовсе не было задумано – на всех столешницах, куда его забросило порывами гуляющего по залу ветра. Если же утро выдавалось таким же, как то, когда сели завтракать наши путешественники, солнце, пробивавшееся сквозь окна-бойницы, выдавало, что сам воздух тоже полон кружащихся частичек сена.

Когда спутники вошли, в общинном доме никого не было, но Айвор направился на кухню, и почти сразу же оттуда появились две пожилые женщины с хлебом,

медом, печеньем и кувшинами молока и воды. За ними вышел сам Айвор с подносом, на котором лежала нарезанная кусками дичь, которую Аксель с Беатрисой тут же с благодарностью съели.

Поначалу супруги ели молча, только теперь почувствовав, насколько проголодались. Айвор, сидя напротив них по другую сторону стола, продолжал о чем-то размышлять с отсутствующим взглядом, и прошло какое-то время, прежде чем Беатриса собралась с духом начать разговор.

– Айвор, для вас эти саксы – сплошная обуза. Вам наверняка хочется вернуться к своему народу, пусть даже мальчик остался невредим, а огры убиты.

– То были не огры, госпожа, таких созданий никто здесь раньше не видел. И то, что они больше не бродят за воротами, избавило нас от великого страха. С мальчиком же другое дело. Вернуться-то он вернулся, но невредимым ли – большой вопрос. – Айвор перегнулся к ним над столом и понизил голос, хотя они снова остались одни. – Вы правы, госпожа Беатриса, я сам себе удивляюсь, что живу среди таких дикарей. Лучше жить в крысиной яме. Что подумает о нас тот отважный чужестранец, особенно после всего, что он вчера для нас сделал?

– Так что же случилось? – спросил Аксель. – Мы вчера подходили к костру, но поняли, что вот-вот начнется жестокая перебранка, и ушли, поэтому ничего не знаем о том, что было дальше.

– Вы хорошо сделали, что спрятались, друзья мои. Вчера ночью эти язычники до того разошлись, что чуть глаза друг другу не повыдирали. Подумать страшно, что они могли бы сотворить с четой затесавшихся в толпу бриттов. Эдвин вернулся невредимым, но стоило деревне этому возрадоваться, как женщины нашли на нем маленькую ранку. Я сам ее осмотрел, и другие старейшины тоже. Это ранка прямо под грудной клеткой, и она не больше, чем наносит себе иной ребенок, по неосторожности споткнувшись и упав. Но женщины, даром что его собственная родня, заявили, что это укус, и вся деревня тотчас с ними согласилась. Мне пришлось безопасности ради запереть мальчика в сарае, но его товарищи, из его же семьи, тут же принялись швырять в дверь камни и призывать вытащить его оттуда и убить, как животное.

– Но как же так, Айвор? Уж не хмари ли это работа, что они потеряли всю память об ужасах, которые этот ребенок только что пережил?

– Если бы так, госпожа. Но на этот раз с памятью у них все отлично. Язычники никогда не забывают своих предрассудков. Они твердо убеждены, что если мальчика укусил демон, то он скоро сам превратится в демона и посеет ужас в наших стенах. Они его боятся, и, если он останется здесь, его ждет судьба не менее ужасная, чем та, от которой его вчера спас мастер Вистан.

– Но ведь, – заметил Аксель, – есть и те, у кого достанет мудрости отстаивать здравый смысл.

– Есть-то есть, но мы в меньшинстве, и даже если нашей власти хватит, чтобы удержать их на пару дней, невежды скоро возьмут свое.

– Так что же делать, сэр?

– Воин в таком же ужасе, как и вы, и мы с ним совещались все утро. Я предложил ему взять мальчика с собой, когда он продолжит свой путь, пусть это и причинит ему неудобство, и оставить его в какой-нибудь деревне на достаточном расстоянии отсюда, где у него будет возможность начать новую жизнь. Мне было до крайности стыдно просить о чем-нибудь у того, кто только что рисковал ради нас жизнью, но у меня не было другого выхода. Сейчас Вистан обдумывает мое предложение, хотя у него есть поручение от своего короля и он уже замешкался из-за лошади и вчерашних бед. Так что сейчас мне нужно проверить, в безопасности ли мальчик, а потом узнать, что решил воин. – Айвор встал и поднял посох. – Приходите попрощаться перед отъездом, друзья мои. Хотя после того, что вы услышали, я пойму, если вам захочется бежать отсюда без оглядки.

* * *

Сквозь дверной проем Аксель видел, как Айвор широким шагом удаляется по залитому солнцем подворью.

– Печальные новости, принцесса.

– Печальные, Аксель, но нас они не касаются. Давай не будем больше терять здесь времени. Сегодня нас ждет крутая тропа.

Яства и молоко были свежайшими, и какое-то время супруги ели молча. Потом Беатриса спросила:

– Думаешь, в этом и есть правда, Аксель? В том, что Айвор сказал прошлой ночью о хмари, что это сам Господь лишает нас памяти?

– Не знаю, что об этом и думать, принцесса.

– Аксель, сегодня утром, когда я только проснулась, мне пришла в голову одна мысль.

– Что за мысль, принцесса?

– Просто мысль. Может быть, Господь сердится на нас за что-то, что мы сотворили. А может, не сердится, а стыдится.

– Любопытная мысль, принцесса. Но если все так, как ты говоришь, почему же он нас не накажет? Зачем заставляя нас, как дураков, забывать то, что случилось всего час назад?

– Может быть, Господу так стыдно за нас из-за того, что мы сотворили, что он сам хочет об этом забыть. И, как сказал Айвору тот чужестранец, если не помнит Господь, неудивительно, что и мы не помним.

– Что же могли мы сотворить такого, чтобы Господь настолько нас устыдился?

– Не знаю, Аксель. Но это точно не то, что сделали ты или я, потому что нас он всегда любил. Если мы помолимся ему, помолимся и попросим его вспомнить хотя бы несколько самых драгоценных для нас вещей, может, он услышит нас и исполнит наше желание.

Снаружи раздался взрыв смеха. Слегка наклонив голову, Аксель рассмотрел во дворе кучку детворы, бродившей по плоским камням над ручьем, стараясь сохранить равновесие. Пока он смотрел, один из детей с визгом свалился в воду.

– Кто знает, принцесса. Может быть, у мудрого монаха в горах найдется объяснение. Но раз мы заговорили о том, как проснулись сегодня утром, мне

тоже кое-что пришло в голову, возможно, как раз тогда, когда твои мысли пришли к тебе. Это было воспоминание, очень простое, но оно меня очень порадовало.

- О, Аксель! Что же это было за воспоминание?

- Мне вспомнилось время, когда мы шли через ярмарку или праздничную площадь. Мы были в деревне, но не в нашей, и на тебе был светло-зеленый плащ с капюшоном.

- Это точно сон, муж, или было очень давно. У меня нет зеленого плаща.

- Я и говорю, что давно, принцесса. Стоял летний день, но в том месте дул холодный ветер, и ты куталась в зеленый плащ, только капюшон не надела. Это была ярмарка или, может, праздник какой. В деревне на склоне холма с козами в загоне, и ты тогда была там в первый раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Великаны-людоеды в кельтской мифологии. В противоположность троллям, которые селятся в горах, живут в лесах и на болотах. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Тип жилища с круглым основанием, распространенный в Западной Европе еще до римского завоевания. В древности стены таких домов делали либо из камня, либо из деревянных столбов, соединенных обмазкой, а коническую крышу крыли тростником. Отверстия в крыше над очагом не было, дым выходил наружу, просачиваясь сквозь тростник.

3

Морскими разбойниками называли также норманнов (то же, что викинги).

4

Имеется в виду король Артур, по легенде – вождь бриттов в V–VI вв. н.э., разгромивший завоевателей-саксов, центральный герой британского эпоса и рыцарских романов.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/kadzuo-isiguro/pogrebennyy-velikan-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)